

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Новый волнующий триллер Франка Тилье — устоять невозможно.

LE PARISIEN

Ф Р А Н К

Т И Л Ь Е

С Т Р А Х

18+

Впервые на русском!

Франк Тилье

Страх

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Комиссар Франк Шарко»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21240040

Франк Тилье. Страх: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;

2016

ISBN 978-5-389-12196-6

Аннотация

В триллере Франка Тилье «Страх» наши старые знакомые Люси Энебель и Франк Шарко после достопамятных дел («Медовый траур», «Монреальский синдром», «Атомка»), казалось бы, получают передышку: в их маленькой семье прибавление – родились близнецы. Но затишье длится недолго: после бури под корнями упавшего дерева обнаружен бункер, где много месяцев кто-то держал в заключении молодую женщину. И вот новое расследование сталкивает Шарко, а вслед за ним и Люси с цепочкой невероятных событий. В погоню за неведомым преступником вовлечена Камиль, молодая сотрудница жандармерии, недавно она перенесла пересадку сердца, и каждую ночь ей снится один и тот же кошмар, в котором ее зовут на помощь...

Впервые на русском!

Содержание

1	6
2	14
3	22
4	28
5	37
6	48
7	57
8	69
9	74
10	80
11	96
12	105
13	115
14	120
15	128
16	143
17	147
18	154
19	162
20	174
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Франк Тилье

Страх

Всем тем, кто спасает жизни

Ангор (angor, – oris) – чувство страха, мучительный страх, тоска, сжимающая боль в груди, стеснение в груди, сопровождающееся затрудненным дыханием.

Латинско-русский словарь медицинской терминологии

Franck Thilliez

ANGOR

© 2014, Fleuve Éditions, Département d'Univers Poche

© Л. Ефимов, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Это именно та разновидность детектива, когда на пятнадцатой странице понимаешь, что тебя вовсе не волнует, вращается земля или нет, главное – дочитать

до последней страницы и узнать развязку интриги.

Кристель Ламбер. ELLE

Новый волнующий триллер Франка Тилье – устоять невозможно.

LE PARISIEN

Франк Тилье вновь повторил то, что ему удастся лучше всего, – сделал томограмму «Зло здесь и сейчас».

LA PRESSE

Франк Тилье, как Стивен Кинг и Жан-Кристоф Гранже, обожаемые им авторы, Тилье любит помещать своих героев в экстремальные ситуации, которые углубляют проблемы их собственной психики.

Машиа Сери. LE MONDE DES LIVRES

Пятница, 10 августа 2012 года

В результате дорожно-транспортного происшествия за рулем собственного автомобиля погибла молодая женщина 23 лет. Тело пострадавшей найдено через несколько часов после драмы примерно в километре от ее дома, на выезде из Кьеврена.

Сидя в своем кабинете жандармерии, Камиль Тибо подчеркнула фразу «погибла молодая женщина» и не стала читать дальше. Отложила бельгийскую газету «Провинция» от 28 июля 2011 года и перешла к следующему конверту с номером швейцарского ежедневного издания «24 часа», помеченного той же датой. Заглянув в рубрику «Происшествия», она с первого же взгляда нашла то, что ее интересовало.

В тот день, 28 июля, в Швейцарии произошло два дорожных происшествия в тридцати километрах одно от другого. Первое оказалось не смертельным, лобового столкновения удалось избежать, и автомобилист отделался сотрясением мозга. Так что Камиль сразу же пропустила эту заметку и перешла к следующей.

Выжившие ее не интересовали.

На фото, запечатлевшем второе ДТП, был виден крупно-цилиндровый мотоцикл, лежащий возле металлической

предохранительной ограды. Подпись под снимком гласила: «Ужасная драма на дороге в Мейкирх». Молодая женщина с наслаждением сделала глоток зеленого чая без сахара и наконец сосредоточилась на тексте. Авария произошла около полуночи на скоростной трассе. Под влиянием алкоголя автомобилист не заметил мотоциклиста, гнавшего со скоростью больше ста пятидесяти километров в час, и его занесло вправо. Скорость, алкоголь – обстоятельства неизбежно привели к катастрофе. Мотоциклиста нашли в тридцати трех метрах от его изуродованного «Кавасаки Ниндзя 1000».

Камиль выделила желтым флуоресцентным маркером «скончался от многочисленных травм и кровоизлияний». Изъять органы не было возможности. Она прервала чтение и сунула газету к остальным.

Шесть новых газет, присланных из разных концов Швейцарии и Бельгии... И все мимо. Морщась, как и всякий раз, когда ей приходила почта такого рода, Камиль открыла список в своем компьютере. Больше ста пятидесяти строк с датами, близкими к тому времени, когда ей сделали пересадку сердца (26, 27 или 28 июля 2011 года), и с названиями газет, откуда были почерпнуты сведения. Просмотрев рубрику «Происшествия» во всех ежедневных и еженедельных периодических изданиях Франции, она расширила зону своих поисков, включив в нее соседние страны.

В ее списке только девять строчек были выделены красным.

Девять надежд. Которые после проверки обернулись девятью неудачами.

Снова разочаровавшись, Камиль закрыла файл.

Долго смотрела на пар, поднимающийся от чая в стаканчике. Вопросы возвращались день за днем, и каждый раз их становилось все больше.

Кто же ты на самом деле? – думала она. – Где прячешься?

Она с трудом отвлеклась от этих мыслей и снова очутилась в своем маленьком кабинете, в отделе криминальных расследований жандармерии в Вильнев-д'Аске. Настоящий город в городе – одиннадцать гектаров с жилыми и служебными помещениями, складами и ангарами материально-технического обеспечения, где трудились больше тысячи трехсот жандармских офицеров и унтер-офицеров, способных к действию в пяти департаментах к северу от Парижа, как строевых, так и нестроевых, занимавшихся лишь административной и технической работой. Тут изрядно попахивало тестостероном, но Камиль была на своем месте среди всех этих мужчин. Сама по-мужски высокая и сильная, она, быть может, казалась всего лишь излишне плечистой при такой робкой груди. Хотя эта гордая стать только компенсировала тайные разрушения, происходившие в ее организме. Однако фигура выглядела красивой, мощной и нравилась мужскому полу.

В самом разгаре августа 2012 года добрая часть служебных помещений на три четверти пустовала – в том числе

и в отделе криминальных расследований, куда ее регулярно отправляли. Среди текущих дел ничего крупного не наблюдалось, температура держалась адская, а в начале следующей недели, несмотря на безоблачное небо, синоптики предвещали грозы. Ее сослуживцы дружно покинули земли севера, и совершенно правильно сделали. Была пятница, ее собственный отпуск начинался ровно через неделю. Она предполагала провести пятнадцать дней у своих родителей, устроившихся в Верхних Пиренеях, рядом с Аржелесом. В намеченной ею программе значилось солнце, немного пеших прогулок и чтение. Ей требовалось отвлечься от бесплодных поисков в газетах, поэтому она и ждала этого момента с таким нетерпением.

А пока Камиль устроилась поудобнее за компьютером и решила поработать над лекцией, которую ей предстояло прочитать через два месяца студентам факультета криминологии и криминалистических наук Университета Лилль-2. Речь шла о том, чтобы воспроизвести здесь (возможно, в спортзале) сцену преступления с манекеном и объяснить им, что должен делать при обнаружении тела техник-криминалист. Казалось бы, пустяк, но это требовало немалой подготовки. К тому же говорить перед группой из десяти, а то и больше человек – в этом она была не слишком сильна.

Задумавшись, Камиль безотчетно теребила купленные сегодня утром сигареты: «Мальборо лайт», пятнадцать штук в пачке.

– Э, Камиль Тибо, только не говори мне, что собираешься начать курить в тридцать два года! – сказал мужской голос.

Камиль сунула сигареты в карман форменных темно-синих брюк. Перед ней стоял здоровяк лет сорока в рубашке поло – кукольная голова на теле греческой статуи, коротко стриженные белокурые волосы. Вместе с Борисом они проработали уже больше восьми лет. Он в качестве офицера судебной полиции в исследовательском отделе, расположенном в здании напротив, Камиль как техник-криминалист.

– Странные вещи творятся, – отозвалась она. – Никогда в жизни не курила, и вдруг сегодня утром захотелось купить пачку, причем именно этой марки и именно с таким количеством сигарет. Вот я и не устояла. Бред какой-то. Лишено всякого смысла.

Ее глаза уставились в пространство. Лейтенант Левак понял, что коллега снова провела гнусную ночь. Конечно, тут наверняка сыграла свою роль и удушающая жара этого знойного лета, но, в конце концов, это всего лишь погода. А лицо Камиль осунулось явно из-за какой-то тревоги.

– У тебя измученный вид. Опять тот кошмар приснился?

Им уже случалось говорить об этом как-то вечером. Камиль крайне редко распространялась о своей личной жизни – ровной и однообразной, как море в штиль, но ей хотелось избавиться от ночных мучений.

– Да, в шестой раз. В точности тот же сценарий. Понятия не имею ни откуда берется, ни что означает. Но эта женщина

в моем сне обращается ко мне. Хочет, чтобы я пришла к ней на помощь.

Камиль было достаточно опустить веки, чтобы опять увидеть во всех подробностях эту женщину: лет двадцати, нагую, свернувшуюся клубком в каком-то темном месте, быть может в подвале или пещере. Она дрожала, ей было холодно и страшно. Ее черные глаза словно впивались в Камиль, глядевшую на нее в своем сне, будто сторонняя наблюдательница, бессильная что-либо изменить.

– Словно ее похитили и где-то удерживают. Она запугана. Самое удивительное – эта отчетливость сна, я его помню вплоть до мельчайших деталей. Похоже на настоящие воспоминания. На что-то... даже не знаю... На что-то, что я в самом деле видела или пережила. Невероятно.

– Похоже, так и есть.

– Ты же меня знаешь: я буду последней, кто поверит во всякое такое, во всю эту чушь насчет ясновидения, предчувствий или чего там еще... Самое потрясающее в том, что оно идет изнутри меня. Быть может, мне надо покопаться, поискать что-нибудь по этой теме или увидеться с кем-нибудь, чтобы избавиться от своего сна. Не знаю.

В последние недели Борис чувствовал, что Камиль потеряла уверенность в себе. Перенеся тяжелую хирургическую операцию, молодая женщина словно скользила вниз по длинному склону. Часто погружалась в свои мысли, становилась нервной, раздражительной на грани срыва. И об этом яв-

но свидетельствовало то, что она упрямо собирала со всей Франции и из соседних стран газеты, вышедшие за неделю до ее операции. Она изучала их даже на рабочем месте, что уже стоило ей нескольких неприятных замечаний со стороны коллег и начальства.

– Тебя все еще мучает дело Орели Каризи, – сказал он спокойно. – Чтобы забыть все увиденное, понадобится время. Наверное, твои кошмары и есть средство, чтобы избавиться тебя от этих воспоминаний.

Дело Орели Каризи... Именно Камиль тогда, в начале лета, открыла багажник машины, ограждая место преступления пластиковой лентой. Какой-то парень всадил себе пулю в голову на лесной тропинке. Все сочли это просто самоубийством, но оказалось, что депрессивный тип сначала потрудился выпустить кровь из своей восьмилетней дочурки, тело которой она и обнаружила в багажнике. Плохо закончившаяся история развода.

Хотя Камиль привыкла к виду трупов – больше пятисот с начала карьеры и не всегда в лучшем виде, – но дети... Этого она совершенно не выносила и всегда старалась договориться, чтобы ее кто-нибудь подменил. Психолог наверняка сказал бы, что эта подсознательная блокировка связана с ее собственным детством, со страхом смерти, который преследует ее с ранних лет.

– Нет, ничего общего, – сказала она. – Этот кошмар – что-то совсем другое. Женщине из моего сна лет двадцать, а Оре-

ли было всего восемь. И у той незнакомки очень характерная внешность, она похожа на цыганку.

– Маленькая Орели тоже выглядела довольно цыганистой. И к тому же в пепельнице отцовской машины нашли окурки и на пассажирском сиденье валялась пачка сигарет. Надо бы проверить, может, тоже «Мальборо лайт», пятнадцать штук в пачке. Как там тот психоаналитик говорил? Что сны всего лишь символы, верно? Он бы тебе сказал, что на самом деле ребенок во сне может появиться и в виде женщины.

– Не знаю. Может, ты и прав.

Поднимаясь из-за стола, она прихватила большую сумку, содержащую все необходимое для работы на месте преступления.

– Предполагаю, что ты заглянул не просто поболтать о таком хорошем утре? Что там у нас?

– Убийство. Твой босс уже предупрежден. А ты как? Готова?

– Честно говоря, не совсем, но выбора нет. Никогда не следует заставлять мертвецов ждать.

2

Добраться на машине непосредственно к тому месту, где обнаружили тело, было невозможно.

Борису пришлось оставить ее у подножия Кошачьей горы, расположенной во Французской Фландрии, в двух шагах от границы с Бельгией. Место окружали темные холмы, светлые низины и гладкие прогалины, постепенно исчезающие у горизонта. Солнце, висевшее в небе на заднем плане, напоминало большой любопытный кошачий глаз, как у Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес».

Обычно это место, весьма ценимое туристами (а эти любопытные существа водятся и на севере), посещали ради длинных пеших прогулок с заходом в местное траппистское аббатство, чтобы выпить сверхкрепкого монастырского пива, а не чтобы столкнуться нос к носу с трупом.

Камиль и двое других специалистов из отдела криминальных расследований сопровождали своего начальника, вахмистра-дознавателя. В нескольких метрах впереди шагал Борис вместе с каким-то жандармским унтером. Они поднимались через редколесье по довольно крутому склону.

Камиль досталась роль замыкающей. Она тяжело дышала и очень быстро устала. Жара стояла адская. Равнину вместо ветра опаляло драконово дыхание, в котором не чувствовалось ни малейшей прохлады. Такое пекло держалось уже

несколько недель. Все с нетерпением ждали обещанных гроз, даже несмотря на то, что они могли оказаться крайне яростными и сулили немалый ущерб.

Молодая женщина вела себя так, будто все хорошо, хотя догадывалась, что за два-три последних дня механизм в глубине ее тела начал откровенно отказывать. Вчера утром, когда она вставала с постели, прозвенел первый тревожный звоночек: ей вдруг так сдавило грудную клетку, словно изнутри выкачали весь воздух. Конечно, кардиолог запретил ей интенсивные и длительные усилия, но если она в своем возрасте не в силах даже подняться на холм, то лучше уж сразу сдохнуть.

К счастью, наконец они добрались до места назначения.

Ребята из жандармерии Байоля были уже там. У них был приказ охранять пространство примерно в десять квадратных метров вокруг трупа, пока не прибудет оперативно-следственная группа.

Тело лежало в траве, немного в стороне от тропинки. На первый взгляд молодой человек лет двадцати, в футболке и кедах. Его шея была обмотана чем-то вроде резинового эспандера.

Борис заговорил с коллегами из Байоля, а трое техников-криминалистов стали молча натягивать на себя одежду, делавшую их похожими на белых кроликов: глухой хлопчатобумажный комбинезон, пара перчаток, бахилы и маска на резинке. Вахмистр взял на себя обязанности кокрима, то

есть координатора криминалистических операций. Его задачей было организовать работу техников и следить за тем, чтобы никто ничего не забыл, потому что из-за малейшей ошибки под сомнение могла быть поставлена вся процедура дознания.

Камиль и двое ее коллег, тяжело навьюченные оборудованием, начали свою кропотливую работу под присмотром кокрима. Надо было натянуть между деревьями пластиковые ленты с надписью «Национальная жандармерия», указать резиновыми стрелками путь, ведущий к трупу, расположить пронумерованные вешки перед каждой приметной деталью на месте преступления, после чего начать его прочесывать, осматривать каждый квадратный сантиметр травы, выписывая траекторию улитки. Учитывая, что им предстояло сделать сотни фотографий, заметок, чертежей, перечней улик, это должно было занять у них все утро.

– Проблемы, Камиль?

Прошло немало времени. Через два часа после прибытия молодая женщина стояла, привалившись к дереву. Она спустила комбинезон до талии и вытирала себе лоб последним носовым платком из пачки. Ее голубая рубашка промокла насквозь. Встревожившись, Борис подошел справиться о ее самочувствии.

– Я в порядке. Просто... как-то странно себя чувствую. В этих комбинезонах от жары сдохнуть можно.

– Ты бледная.

– Знаю. Надо было позавтракать, съесть что-нибудь. Я ведь не собиралась покидать казарму. Но это пройдет.

Она выпрямилась, пытаясь снова взять себя в руки. О том, чтобы проявить слабость, и речи быть не может. Она вернулась к работе всего три месяца назад после долгого курса реабилитации, когда руководство уже поставило вопрос о ее переводе на какую-нибудь конторскую должность. Но Камиль дралась изо всех сил, защищая свое право по-прежнему выезжать «в поле» и возиться с мертвецами.

– Тут три пустые пивные бутылки и две непечатых, – сказала она. – Еще рядом с велосипедом и рюкзаком нашли косячок и немного травки.

– Личность установили?

– При себе никаких документов и пока никакой возможности установить, кто это. Но скорее всего, кто-то из местных. Видимо, прикатил сюда на велосипеде, чтобы малость расслабиться. Кругом тишина, закат солнца над Фландрией... К несчастью, это, наверное, было последним, что он видел.

– Убийца какие-нибудь явные следы оставил?

– Следов обуви никаких. Земля слишком твердая и сухая. Магнитный порошок выявил несколько папиллярных следов на концах эспандера, но они слишком фрагментарны. Посмотрим, конечно, что удастся вытянуть в лаборатории, но, по-моему, ждать ничего не стоит.

Камиль не торопилась и спокойно дышала. Но чувствува-

ла себя все хуже и хуже. Словно ее сердце перенапрягалось, с трудом накачивая кровью раскаленные мышцы. На нее снова нахлынули дурные воспоминания: ей уже случалось чувствовать такие симптомы.

И этот кошмар начинался снова.

Тем не менее она постаралась сосредоточиться.

– Должно быть, жертва пыталась защищаться, под ногтями большого и указательного пальцев правой руки обнаружены частицы кожи. Так что у нас наверняка будет ДНК убийцы. А пока мы предохранили кисти убитого полиэтиленовыми пакетами, чтобы избежать загрязнения.

Борис тщательно записывал все, что говорила Камиль. Каждый раз, выезжая на место преступления, она выходила за рамки своих обязанностей, состоявших исключительно в сборе улики, поскольку техники-криминалисты никогда сами не вели расследование, и позволяла себе интересные и толковые гипотезы.

Она обладала незаурядной наблюдательностью, верным глазом и хорошим чутьем. «Дьявол таится в деталях» – Камиль сделала эту швейцарскую пословицу своим девизом. Она могла бы стать чертовски хорошим «полевым» офицером, если бы не проблемы со здоровьем.

Но молодая женщина знала, что ей никогда не стать доктором.

В этот момент она рассматривала сцену преступления в целом, словно картину со сложной символикой. Крупные

планы, потом общие, макро, микро. Ее глаза обшаривали пространство, поглощали свет, что-то вычисляли. Борис уже заметил, с какой тщательностью она осматривала трупы, каждую черту их неподвижных лиц, стоило ей прибыть на место преступления. словно искала ответы в глубине этих застывших зрачков.

– Он защищался, как мог, – продолжила она. – Но, учитывая выпитый алкоголь и выкуренный косяк, борьба для него была проиграна заранее.

Позади них слышались голоса. Прибыли люди из похоронной конторы, которых вызвал Борис Левак. Они разложили носилки, расстелили мешок на молнии и уже приготовились забрать тело в Институт судебной медицины Лилля, где эстафету примут ребята из морга и заморозят жмурика до вскрытия.

Лейтенант велел им подождать и вернулся к Камиль, которая по-прежнему стояла, прислонившись к своему дереву, и пристально смотрела на тело.

– Будешь на вскрытии? – спросила она.

– А ты видишь тут других охотников до бифштекса с кровью? Можешь, кстати, и ты присутствовать. Если пожелаешь, конечно.

– Замечательная идея. Думаешь, это как раз то, чего мне не хватает перед отпуском?

Камиль посмотрела на него с бледной улыбкой, потом вернулась к своим предположениям:

– Слушай, если тебе надо удавить кого-то, что тебя может заставить воспользоваться эспандером? Не самая удобная штука для такого дела.

– Наверное, у нашего убийцы только он оказался под рукой.

– Значит, можно предположить, что убийство не было предумышленным. Когда решаешь кого-нибудь убить, то, прежде чем действовать, обдумываешь способ, который тебе даст наилучшие шансы. Крепкая веревка или провод для удушения гораздо эффективнее. А тут смотри, ему пришлось затягивать изо всех сил из-за эластичности резины. На шее осталось несколько борозд, словно он принимался за дело несколько раз. И ты редко бросаешь оружие убийства на месте преступления из опасения оставить вместе с ним отпечатки пальцев. Это даже... – Она с натугой перевела дух. – ...даже самый непроходимый тупица знает.

Безостановочно щелкал фотоаппарат, запечатлевая неприятное зрелище для вечности. Вид трупа уже изменился. При 28–29 °С на термометре он скоро станет похож на воздушный шар.

Вдруг Борис почувствовал, будто кто-то надавил на его руку, а потом – ничего.

Камиль уже лежала на земле, прижав ладони к груди в области сердца.

Лейтенант тотчас же опустился перед ней на колени:

– Что с тобой?

Лицо молодой женщины скривилось от боли. Она с трудом повернулась на бок и еле выдохнула:

– Вызови «скорую»... Похоже... у меня... сердечный приступ.

3

Через четыре дня в 150 километрах оттуда. Вторник, 14 августа 2012 года

Ночные грозы принесли с собой разрушения. Проливные дожди низвергались на пересохшую землю, просачиваясь в малейшие расселины, разбушевавшиеся ветры вздымали волны на море, сдували черепицу с крыш, обрывали провода.

Так что во вторник утром Франция проснулась среди хаоса. Это был час подсчета ущерба и первых починок. Жюль и его коллега Арман, обходчики Национального управления лесов, таких опустошений даже упомянуть не могли. Нисходящие потоки воздуха образовывали сокрушительные шквалы, и это стало настоящей катастрофой для деревьев, росших на опушках. Лес Лэг в департаменте Уаза буря тоже не пощадила. 14 августа 2012 года будут вспоминать, как когда-то вспоминали 26–27 декабря 1999-го.

Около десяти утра обходчики остановили свой мини-фургон на узкой дороге в окрестностях деревни Сен-Леже-о-Буа. Прежде чем приняться за работу, они прослушали сообщения по радио и выпили по два-три стаканчика крепкого кофе из термоса. По радио говорили в основном об обрывах электрических проводов, о наводнениях на западе и юге, о

туристических трейлерах, унесенных потоками воды. Предвещали ущерб в миллионы евро.

– Все-таки это черт знает что. Безумие какое-то, – сказал Арман, доставая инвентарь из задней части машины. – Накануне в горизонтах грунтовых вод ни капли не было, все пересохло, а на следующий день – поди ж ты, реки из берегов выходят. В наше время такого отродясь не бывало.

Жюль согласился. Он и сам прекрасно видел, что с климатом вот уже несколько лет подряд творится что-то неладное, но всем на это совершенно плевать. Во французской глубинке бабочки быстрее машут крылышками, а из-за этого в Нью-Йорке ураганы... В общем, так он понял своим умишком среднего гражданина.

Переговариваясь, они поднимались по одной из лесных тропинок, огибавших коммуну Сен-Леже.

– А вот и наше место преступления, – пошутил Жюль.

– Место преступления? Завязывай смотреть свои дурацкие сериалы, у тебя от этого мозги отсыхают.

Обходчикам надлежало отметить породу каждого сломанного или поваленного бурей дерева, измерить его диаметр и прикинуть кубатуру. И так во всей северной части леса. Эта работа могла занять у них дни, а то и недели.

У Жюля всегда щемило сердце при виде древних старцев, проживших один-два века и уничтоженных из-за отсутствия у людей чувства меры. Все эти большие города, заводы, загрязняющие окружающую среду, автомобилисты, тор-

чащие зад к заду в пробках... Промышленное безумие косвенно убивало каждое из этих деревьев, от самого юного до самого старого. А убийство деревьев означало самоубийство человечества и принесение в жертву будущих поколений.

В общем, примерно так.

– Вот черт! Ты это видел?

Арман, забросив на спину рюкзак, уже углубился в лес на несколько метров и вдруг застыл перед поваленным бурей дубом впечатляющей высоты и толщины. Исполину не дали рухнуть другие деревья, которые сплелись с ним своими ветвями и тем самым удержали его на весу. Многие сучья, сломавшиеся под тяжестью мастодонта, грозили упасть.

– Придется в первую очередь заняться им. Опасно. Если и в самом деле грохнется, то все потащит за собой.

Ветер почти стих, небо вновь обрело свою синеву, но дерево продолжало потрескивать. Лес был живым, он испытывал боль, стонал и зализывал свои раны. Арман положил рюкзак на землю, точно отметил в учетной книге указанные GPS-навигатором координаты места, потом достал рулетку и лазерный визир.

Тем временем Жюль пытался понять, почему дерево было внезапно вырвано с корнем, хотя другие, гораздо более слабые, устояли. Дуб не был поражен молнией и повалился единственно из-за порывов ветра. Почему же? Ведь это ее дерево, крепкое, могучее, в полном расцвете. Заинтригованный обходчик подошел к стволу поближе, остерегаясь все-

таки сплетения сломанных ветвей, зависших на десятиметровой высоте.

Дерево еще соединялось с землей краем своего солидного комля, падение лишь обнажило часть вывороченных узловатых корней, которые, вместо того чтобы начисто сломаться, остались целы.

– Странно, – сказал Жюль. – Ты концы этих корней видел? На них же не земля, а мох, словно они в пустоте висели.

– Помог бы мне лучше, чем детектива из себя корчить.

– Да я только врубиться хочу, как такое получилось.

– Тоже мне, Шерлок Холмс нашелся. Мы тут для констатации ущерба, а не чтобы понимать. Если будешь читать мне лекцию по ботанике у каждого дерева, то никогда не закончим.

Но Жюль уже не слушал. Осторожно перелез через груды сломанных ветвей и подобрался как можно ближе к корням. Теперь он был у самого основания дерева. Прямо перед ним возвышался огромный круг вывороченной земли с переплетенными корнями. Он заглянул вниз, под дуб, и нахмурился.

– Похоже, под ним пустота.

– Плохое укоренение, это и объясняет, почему он не устоял под напором ветра.

Арман увидел, как его коллега опасно наклонился, чтобы заглянуть еще глубже.

– Ты все-таки поосторожнее там.

Жюлю было бы трудно пробраться дальше, не перемазав-

шись грязию. Он уже выпрямлялся, когда ему вдруг показалось, что внизу что-то шевельнулось. Удивившись, он стремительно отпрянул назад и уставился в черную дыру, закрытую, как сеткой, переплетением более тонких корней.

– Вот дерьмо, там что-то шевелится!

– Где?

– Да под деревом. Не знаю, там будто... какая-то впадина вроде пещеры... и в ней что-то есть. А я как дурак испугался.

– Может, зверь в норе сидит?

– Да нет, вроде что-то покрупнее.

Он наклонился и крикнул:

– Эй, есть там кто?

Арман пожал плечами и продолжил свои измерения. Но Жюль не сдавался.

– Достань-ка мне фонарь из рюкзака. Подержишь меня за ноги, а я попробую заглянуть поглубже.

Арман нехотя исполнил просьбу напарника.

– Будто нам делать больше нечего. К тому же перемажемся тут с ног до головы.

Но они взялись за дело. Жюль продвинулся на длину вытянутой руки. Спутанные корни, оставшиеся в земле, позволили ему просунуть в яму голову, но не плечи. Он был уже весь в грязи.

– Вот дерьмо...

Дав задний ход под ворчание коллеги, он зажал металлическую ручку фонаря в зубах и повторил операцию. По его

ушам и шее сыпалась земля, ему казалось, что он проваливается куда-то во тьму.

Луч фонаря осветил дальние стенки впадины, на удивление ровные. Жюль повернул голову влево и увидел корни других деревьев, свисающих, словно лианы. Он прищурился и заметил в глубине пещеры гору вскрытых и пустых консервных банок. Их там были сотни.

А на земле вокруг валялось неисчислимое количество сожженных спичек.

– Это что за хрень?

И в тот момент, когда он поворачивался в другую сторону, заметил почти белые, лишённые радужки глаза.

Глаза демона.

Внезапно из глубины ямы вынырнула рука, вцепилась ему в волосы и дернула изо всех сил.

Поглощенный темнотой, Жюль заорал.

Жюль заорал.

– Да несу, несу, обжора.

Франк Шарко вынул крошечную бутылочку с соской из подогревателя детского питания. Дальше: протереть пластик, проверить температуру, капнув пару капель на внутреннюю сторону запястья. Везде зеленый свет. Он ринулся в гостиную, успев, правда, обернуться на бегу и проверить, выключен ли газ. Он вечно что-нибудь забывал, и это уже начинало действовать ему на нервы. Стерилизовать бутылочки, присыпать попку младенца тальком до крема, а не потом... Или наоборот, это уже вылетело у него из головы. Он мог провести сложнейшее расследование, но при этом застывал столбом перед подгузником и в течение нескольких минут пытался сообразить, какой стороной куда его вкладывать. Разработчики подгузников наверняка не подумали о пятидесятилетних мужиках с пальцами толщиной в сигару, которые должны с этим справиться. Решительно с младенцами все было непросто.

Он вернулся бегом. У новорожденного все происходило как по нотам: он систематически орал около трех, семи и одиннадцати часов. Молодой папа пятидесяти одного года от роду бережно доставал его из колыбели, устраивался в кресле и... Куда же он успел подевать бутылочку?

– Ну, тише, тише.

Ребенок перестал кричать, как только отец взял его на руки. Франка Шарко всегда впечатляла эта способность грудных младенцев общаться и приспосабливаться. Согласно исследованиям, крик новорожденного может достигать громкости отбойного молотка, но это всего лишь достижение эволюции и борьбы за выживание: ведь он должен суметь докричаться до своей матери при любых обстоятельствах. И эти крики мощно разносились по всему дому. Но в целом, несмотря на беспокойство, соседи были рады за Шарко. В квартале рассказывали, как одинокий, помятый жизнью полицейский обрел наконец частицу счастья «с маленькой сослуживицей-северянкой».

Жюль принялся сосать, как оголодавший. Шарко прижал его к своему сердцу, погладил по щечке. Конечно, руки у него шершавые и узловатые, покореженные годами и нанесенными ударами, но полицейский все-таки еще мог чувствовать нежность младенческой кожи.

У него за спиной раздался мелодичный женский голос:

– Сейчас уже двенадцатый час. Ты не думаешь, что на Набережной¹ в конце концов начнут ворчать из-за твоих вечных опозданий? Заметь, сейчас это уже не опоздание, а отсутствие.

¹ Здесь и далее имеется в виду дом № 36 по набережной Орфевр, где располагается штаб-квартира и отделы Регионального управления судебной полиции при префектуре полиции Парижа. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Люси Энебель появилась в легком наряде: всего лишь шорты в горошек и просторная футболка с короткими рукавами. Она прижимала к груди второго ребенка – вторую посылку с сюрпризом, доставленную прекрасным летним днем 14 июня 2012 года.

– Сейчас все спокойно. К тому же я не собираюсь пропустить день рождения наших близняшек, наших точных копий, – сказал Шарко. – Два месяца – такое ведь стоит отметить?

Люси поцеловала мужа в шею. У нее был усталый вид, и она еще не совсем оправилась от родов. Все еще чувствовала тяжесть в ногах, да и грудь оставалась полноватой, что отнюдь не было противно Шарко. По словам врачей, вполне нормальная ситуация. Даже родившись на три недели раньше срока, Жюль и Адриен были довольно тяжеленькими младенцами, такими мини-Шарко, что для близнецов было скорее редкостью. И за восемь месяцев с небольшим они выкачали из матери все ее ресурсы. Под конец изнуренная Люси сравнивала себя с выброшенным на берег китом и уже только лежала, опасаясь преждевременных родов.

Увенчало эту беременность кесарево сечение на операционном столе.

Вот и сделайте после этого ребятишек.

Она заметила в кресле пару наручников.

– Франк... Ты опять за свое?

– Его успокаивает, когда я трясу ими у него над головой.

Клянусь тебе, ему нравится! И вообще это в десять раз лучше, чем их дебилные погремушки.

– Быть может, но я не хочу, чтобы наши дети видели всякие гадости. К тому же скоро к нам нагрянет моя матушка. Так что, пожалуйста, убери их подальше.

Люси пошла за вторым рожком. Некоторое время назад они пытались синхронизировать близнецов, у которых все было вразнобой. Каждую ночь начинался сплошной фейерверк из криков, мокрых подгузников, шумных глотаний. Люси-то это было не впервой, поскольку десятью годами раньше она уже производила на свет близнецов.

Она устроилась рядом с Шарко. Жюлю надо было дать передохнуть, он сосал слишком быстро и захлебывался. Папа отнял бутылочку от его губ и слегка стукнул ею о ту, что держала Люси.

– За их здоровье. За второй мини день рождения парочки мини-Шарко.

– За наших двойняшек. Пусть растут здоровыми и счастливыми.

– Мы все для этого сделаем.

Молодые родители обменялись улыбками. О существовании второго эмбриона они узнали только на десятой неделе беременности. Люси могла бы без запинки описать выра-

жение лица Франка, стоявшего перед черно-белым экраном УЗИ, когда они впервые увидели эти две крохотных фасолинки. Он пустил слезу, да и она тоже. Судьба решила наконец больше не злобиться против них и подарить им разом двух прекрасных детишек: одноййцевых братьев с идеально одинаковыми чертами. Конечно, они никогда не заменят ни прежних близнецов Люси, Клару и Жюльетту, ни Элоизу, дочь Франка, но эти дети, заключая в себе все то, что потеряли их родители, будут расти с глазами тех детей, которые уже не с ними, с глазами трех своих покойных сестер...

Когда-нибудь придется рассказать им обо всем этом, подумал Шарко с грустью.

Адриен принялся сосать с тем же пылом, что и Жюль. Шарко отличал его от брата благодаря забавной косо́й складочке на лбу, из-за которой он слегка смахивал на пирата. Пирата, у которого вместо океана околоплодные воды.

– Буря сегодня ночью все разворотила на террасе, растения перевернуты, навес сорван, – сказал он Люси. – Я слушал радио – разрушения повсюду. К нам, вообще-то, должны зайти в два часа, может, стоит отменить визит, чтобы навести порядок?

– Ах да, еще один визит... Меня это уже начинает доставать. Нет, пускай приходят, я выгляну наружу и немного наведу там порядок. Думаешь, у этих серьезные намерения?

Их переезд в одноэтажный дом площадью сто двадцать метров в десяти километрах южнее был намечен на середину

сентября. Но вот уже два месяца они безуспешно пытались продать свою нынешнюю квартиру: увы, состояние финансов заинтересовавшихся покупателей оставляло желать лучшего. Они приходили, говорили, что квартира симпатичная и окрестности приятные, но что им никак не удастся получить ссуду в банке на приобретение жилья. Шарко знал, что рано или поздно придется снизить цену, чтобы не влезать в ипотеку и не платить чудовищные проценты при покупке нового дома.

– В агентстве говорят, что это молодая пара. Оба вполне обеспечены, и, по мнению коммерческого отдела, интерес, похоже, тоже имеется. Так что должно получиться.

– Им еще и квартира понравиться должна. А десять лет холостяцкой жизни полицейского из уголовки невозможно спрятать, просто перекрасив стены.

Телефон Шарко завибрировал. Он узнал номер – без всякого воодушевления.

– Это Белланже.

Взгляд Люси блеснул.

– Тогда надо скорее ответить.

Шарко поколебался, потом все-таки принял вызов начальника. Продолжая худо-бедно заниматься ребенком, он зажал трубку между ухом и плечом. Телефон выскользнул на пол. Люси помогла ему, подхватив Жюля свободной рукой. Шарко был неловок, часто паниковал, и ему требовалось время, чтобы снова обрести отцовские рефлексы. Но он

очень старался, и Люси всегда прощала ему ошибки, порой грубые.

Франк подобрал мобильник и отошел в сторонку.

Люси видела, как он морщился, время от времени отвечая короткими фразами: «Когда?» или «Где?». Она сразу поняла, что мужу придется уехать. И она, вероятно, сама последовала бы за ним, если бы не дети. Несмотря на все неприятности и ужасы ремесла полицейского, оно накрепко въелось в ее плоть и кровь, и ей не терпелось вернуться к нему через две недели.

Шарко положил трубку.

– Ну, что там? – спросила Люси.

Он опустил на колени и поправил Адриену слюнявчик своими ручищами. Шарко уже и забыл, какими маленькими и хрупкими могут быть дети. Он так завидовал их невинности.

– Придется сгонять в сторону Компьени, – сказал он тихо, словно желая уберечь от этого детей. – Белланже уже на месте. Пожарные только что достали из ямы женщину, которую, похоже, похитили и долго держали в заточении под землей, у нее все еще обрывок цепи на одном из запястий. Судя по тому, что он мне рассказал, она в довольно плохом состоянии. Почти ослепла, из-за того что слишком долго просидела в темноте. Ее держали... хм... под деревом.

– Под деревом?

– Вот именно. Его повалила буря, и там обнаружилось

что-то вроде пещеры. Они собираются совсем его вырвать, с корнем, ради безопасности, чтобы можно было спуститься вниз. Похоже, у этой женщины плохо с головой.

Шарко встал и надел свою кобуру, висевшую на вешалке, потом заправил рубашку в брюки. Довершил наряд темно-серый пиджак. Люси нравилось видеть его таким. Шик, элегантность. Он производил впечатление, и это был ее мужчина. Настоящий полицейский криминальной полиции, крепко стоящий на ногах.

Так было не всегда.

Шарко наклонился и нежно поцеловал Люси в губы. Потом неожиданно сфотографировал ее с помощью своего телефона.

– Только не это, Франк! Я даже не одета!

– Слушай, надо бы отправить этот снимок твоей матери. Ты тут как Лара Крофт с бутылочками вместо пистолетов в каждой руке!

Люси рассмеялась:

– Тогда чертовски уставшая Лара Крофт!

Она посмотрела на часы.

– Ты не перекусишь перед дорогой?

– Слишком рано. Не переживай за меня, я попозже перехвачу бутерброд.

Люси вздохнула:

– Мне бы так хотелось поехать с тобой... Быть рядом. Я очень рада, что стала мамой, но немного скучаю здесь.

– Не спеши, Люси. У тебя еще две недели декретного отпуска, на некоторое время к нам твоя мать придет... И к тому же завтра ведь пятнадцатого августа. Я останусь дома, ходим в парк или куда-нибудь к воде все вместе. Блинов поедим, как и собирались. То есть это мы с тобой будем их есть, а не дети, конечно.

Лицо Люси вновь стало серьезным.

– Только не лезь на рожон, ладно? Если станет опасно, если надо куда-то бежать, кого-то преследовать, арестовывать, ты...

– Позволю это сделать другим. Знаю.

– Мы теперь прекрасная полная семья, надо это беречь. Я тоже буду осторожной, когда вернусь на службу.

– До этого пока не дошло.

– Никогда не забывай.

Шарко улыбнулся ей. Он отлично себя чувствовал. Спокойным, счастливым.

– Не забуду. Я не готов снова лезть в какую-нибудь подозрительную или опасную историю. Если станет страшно, сразу унесу ноги.

– Ты унесешь ноги? Ну да, как же. Только если тебе их отрубят.

Вот дурак. Надо было сапоги надеть.

Франк Шарко, скривившись, посмотрел на состояние своей еще недавно такой блестящей обуви. Мокасины «Берил», новехонькие, сто пятьдесят девять евро за пару. Поглощенный подгузниками и рожками, он даже не подумал переобуться и вот теперь расплачивался за это.

Поскальзываясь на грязной земле, он направился к Николая Белланже, своему начальнику, капитану полиции, который был на шестнадцать лет моложе его. Еще ребенок. Были времена, когда сам Шарко мог бы стать его начальником, он тогда командовал тремя десятками человек, но та пора безвозвратно миновала. Бывший комиссар сделал свой выбор несколькими годами раньше, добровольно вернувшись к званию лейтенанта и перейдя под начало более молодого, который ему не мешал. Зато ему была глубоко противна необходимость плесневеть в кабинете, руководить расследованиями, даже не пересекаясь с жертвой и не бывая на месте преступления. Но уж такова, к несчастью, участь сегодняшних комиссаров, и именно таким он мог бы стать. Бюрократом.

Полицейские держались поодаль, на опушке леса, в то время как большой, снабженный цепями тягач-ремонтник заканчивал сражаться с вывороченным из земли деревом. Несколько зевак из местных теснились у края тропы.

Николя Белланже пошел навстречу «комиссару» Шарко (его по привычке продолжали величать комиссаром). Они поздоровались, обменялись несколькими словами о буре – по дороге Шарко смог заметить значительные разрушения, – и капитан перешел к сути дела:

– «Скорая» доставила пострадавшую в Крей, в больницу. Она в удручающем состоянии. Крайнее истощение, озноб и так далее. По словам врача «скорой», молочная белизна ее глаз объясняется тем, что она чертовски давно не видела дневного света.

Шарко старался протереть носки своей обуви бумажным платком. В конце концов он бросил это занятие как заведомо безнадежное.

– Похоже, я только зря стараюсь. Если придется туда лезть, я их в любом случае изгажу. – Он указал на четверых людей в форме. – Спецназ?

– Они прибыли первыми, для обеспечения безопасности. Поди знай, что там под землей обнаружится.

Шарко осмотрелся. Буря повредила деревья. Вокруг человек десять участников, разделившись на группки, разговаривали либо курили.

– Жертва заговорила?

– Нет. Пока не способна общаться. Вела себя как дикое животное. Пришлось сделать ей укол успокоительного.

Белланже подозвал лейтенанта Жака Левалуа, члена своей команды, попросил у него фотоаппарат и показал снимки

Шарко:

– Вот, это она.

Франк просмотрел несколько фотографий, сделанных между делом, когда женщину грузили в машину «скорой помощи». Настоящий живой скелет в почерневших от грязи лохмотьях. Изможденное, совершенно безумное лицо, а подернутые белой пеленой глаза еще больше усиливали ужас, отпечатавшийся в этих чертах. Шарко вспомнил старый фильм ужасов, «Evil Dead» – «Зловещие мертвецы», и одну из его героинь, одержимую дьяволом. Этой тоже, наверное, лет двадцать – двадцать пять. Ее короткие курчавые волосы были всклокочены.

– Самое главное сейчас – установить ее личность, – сказал Белланже, доставая сигарету. – Разумеется, никаких документов при ней нет. Возьмем отпечатки пальцев, сделаем тест на ДНК, проверим списки пропавших, похожие случаи – все, что возможно.

– Она такая смуглая или это грязь?

– Может, цыганка. Из Восточной Европы или Испании... Тип, похоже, тот же. Надо разослать ее фото по окрестностям и посмотреть, нет ли поблизости какого-нибудь цыганского табора, поди знай...

Шарко мрачно вернул фотоаппарат. На набережной Орфевр они часто имели дело с травмированными женщинами, жертвами изнасилований, побоев, для них это стало почти обыденностью. Но на сей раз они столкнулись с чем-

то иным, чудовищным, что выдавали побелевшие радужки несчастной. Эта женщина явилась из-под земли, как выходец с того света.

Раздался оглушительный треск. Метрах в десяти от них поверженный дуб рухнул на землю, увлекая за собой кучу ветвей и более тонких стволов. Завизжала бензопила, разрезая неподатливые корни, потом, после довольно долгого ожидания, полицейским наконец дали сигнал спускаться. Было около 13 часов, солнце сияло в зените, поливая землю смертоносными лучами.

В яме закрепили приставную лесенку. Первыми пошли спецназовцы, экипированные помимо оружия мощными фонарями. Белланже и его люди последовали за ними. Шарко спустился по восьми ступенькам последним, сохраняя спокойствие и стараясь уберечь от грязи свой пиджак. Что касается обуви, то это было уже совершенно гиблое дело. А если уж он чего-то терпеть не мог, так это грязных ботинок.

Белланже отдал приказ, чтобы никто ни к чему не прикасался и не оставлял ни своих отпечатков пальцев, ни прочих биологических следов. Температура упала на четыре-пять градусов. Свет косо проникал сюда только через дыру, оставшуюся от вывороченного дерева, скользил по гладким, явно вырубленным человеком стенам. Очевидно, полицейские двигались по одной из штолен заброшенной каменоломни. Люди из Национального управления лесов утверждали, что этого добра тут полным-полно. В Первую мировую их ис-

пользовали для укрытия французских солдат.

Штольня позади полицейских оканчивалась тупиком. Они застыли перед грудой пустых консервных банок и бутылок из-под воды. Их тут были сотни. Среди нагромождения жести и пластика попадались и десятки флаконов из-под туалетного гигиенического молочка для кожи. Тоже пустых.

– У меня впечатление, что сюрпризы только начинаются, – пробормотал Николя Белланже. – И это спокойный канун пятнадцатого августа.

– А ты, вообще-то, разве не должен быть в отпуске с сегодняшнего вечера?

– Должен. Потому-то это грязное дело на нас и свалилось.

Шарко беспокоился за своего шефа. Николя Белланже много вкалывал в течение года и, чтобы продержаться, практически исчерпал свои резервы. Они двигались по прямоугольному коридору в единственно возможном направлении. Капитан указал на землю лучом своего фонаря.

– Осторожнее.

Экскременты вдоль стен, лужи мочи. Резкий запах. Землю устилали тонны использованных спичек. В глубине штольни, там, где лучи плясали на скале, гроздьям корней удалось пробиться сквозь камень, и они свешивались в пустоту. Шарко представил себе девушку, съезжившуюся здесь, чиркающую спичками одну за другой, пробирающуюся вдоль стен как животное, кричавшую, хотя никто ее не слышал. Ей так и не удалось выбраться из этого подземелья.

– Сюда!

Они устремились на голос коллеги. Световое отверстие теперь осталось в сотне метров позади. Все еще продвигаясь вперед, они миновали развилку и очутились в большом квадратном зале площадью метров сто и с очень высоким потолком. Шарко прикинул, что они примерно в восьми-девяти метрах под землей, но уже не в лесу, а наверняка где-то на подступах к деревне.

Поблизости еще оставались запасы пищи – исключительно консервы – и вода. На проволоке, привязанной к крюку, наполовину вбитому в скалу, висел консервный нож. Был тут также большой газовый баллон, соединенный с газовой плиткой, грязная тарелка без приборов и коробки спичек.

Слева соломенный стул, пустые канистры, ванна на ножках. С потолка свисали лампочки, а в естественном углублении скалы пряталась маленькая видеокамера. Электрические провода тянулись к тяжелой, запертой на ключ решетке, за которой наверх вели ступени каменной лестницы.

Четверо спецназовцев попытались вышибить эту дверь с помощью своего портативного тарана, но тщетно. Тут была усиленная запорная система.

– Лучше сходить за гидравлическим домкратом. В тягаче есть такой, – предложил кто-то из них.

Один спецназовец сразу же убежал. Оставшиеся полицейские смотрели друг на друга при свете фонарей. Их лица осунулись. Они были ошеломлены. Шарко обшаривал потолок

лучом своего карманного фонарика.

– Эти электрические провода, соединенные с лампочками и с камерой, наверняка куда-то ведут, – сказал он веско. – Как только взломаем решетку, узнаем, где находится источник тока. А значит, и кто все это устроил.

Он наклонился к газовому баллону, потом обратился к своему шефу:

– Перчатки у тебя есть?

Капитан протянул ему пару резиновых перчаток. Шарко надел их и повернул рукоятку подачи газа на плитке. Никакого шипения.

– Пустой.

Он встряхнул несколько коробков спичек.

– Тоже все пустые.

Тут их позвал двигавшийся вдоль стены лейтенант Лева-луа. Он стоял на другой стороне помещения, рядом с матрасом, брошенным прямо на землю и накрытым скомкан-ным одеялом. Лицо тридцатилетнего лейтенанта было очень бледным, может, из-за резкого света, может, из-за тошнотворных запахов. Он указал своим фонарем на большое железное кольцо, вцементированное в каменную стену. На земле валялось начисто сломанное звено цепи.

– Можно предположить, что здесь она была прикована и здесь же спала. Но ей как-то удалось освободиться.

Он повернулся к стене напротив, осветил камеру, направленную в их сторону.

– И за ней наблюдали...

Шарко приблизился к камере и сказал, глядя прямо в объектив:

– Ну, держись, приятель, уголовка тебе на хвост села.

Затем он перевел луч на ванну, стул, запасы пищи. Все это было гнусно и отдавало безумием.

– Консервы наводят меня на мысль о параноиках, которые верят в Апокалипсис и запасают все, что могут, чтобы выжить под землей.

Он потребовал фотоаппарат и рассмотрел на жидкокристаллическом экране снимки томившейся тут девушки, а точнее, кольцо на ее запястье, а также цепь.

– Ей удалось как-то сломать одно из звеньев цепи, которой она была прикована к стене. Но на запястье еще остался изрядный кусок.

Он наклонился к земле.

– Звено определенно сломано. Может, заводской брак. А когда она дергала за цепь, сработал эффект вибрации. Такое нечасто случается, но я видел.

Он протянул аппарат Белланже, показывая на снимок:

– На фото цепь не выглядит длинной. Во всяком случае, ее недостаточно, чтобы дотянуться до противоположной стены. Или я ошибаюсь?

– Ты прав. Два метра максимум.

– Стало быть, прикованная к стене жертва не имела доступа ни к пище, ни к ванне. А это, несомненно, указывает на

то, что прежде, чем ей удалось освободиться, ее кормили...

Шарко стал размышлять вслух:

– Но почему мучитель позволил ей освободиться? Ведь он же наверняка видел с помощью своей камеры, что она порвала цепь. Так что это было? Извращенная игра? Хотел, чтобы бедная девушка поверила, будто у нее есть шанс выбраться отсюда?

– Тогда уж стоит задуматься: кто на самом деле сломал звено, она сама или ее мучитель...

Шарко принялся ходить взад-вперед. В его голове теснились вопросы, но пока их было слишком много. Надо немного подождать, посмотреть, что принесут ближайшие часы.

– Повторяю, главное, ничего не трогать, – сказал Белланже, удаляясь. – Эксперты наверняка скоро появятся.

Помощь экспертов судебной полиции была бы тут, разумеется, большим подспорьем. Шарко уставился на закрытую решетку. Если бы буря не выворотила из земли дерево и тем самым не проделала дыру в земле, эта лестница была бы, возможно, единственным выходом наружу. Даже освободившись от цепи, девушка все равно не смогла бы выйти из своей темницы. Сколько же недель она скиталась в темноте? Долго, если судить по впечатляющему количеству пустых консервных банок и помутнению ее радужных оболочек. Полицейский представил, как поначалу молодая женщина использовала для освещения газ. Потом зажигала спички одну за другой... Пока все запасы не истощились. И тогда ей

пришлось есть консервы холодными, не имея возможности их разогреть.

Лейтенант закрыл глаза. Полная темнота. Тишина, прохлада. Как тут не тронуться умом, если тебя заперли, словно лабораторную крысу? Как доказать себе, что еще существуешь, если даже не можешь увидеть собственное тело? Однако девушка продолжала питаться, спать, жить даже в непроглядном мраке. Справляла нужду подальше, чтобы сохранить хотя бы подобие здоровой среды. Она боролась до конца, ее организм в режиме выживания оказался способен замечательно приспособиться даже к таким условиям, подобно тем крошечным паучкам, которых обнаруживают в самых глубоких пещерах.

Она, конечно, выжила, но ее мозг наверняка стал похож на разоренную местность.

Когда Шарко снова открыл глаза, Жак Левалуа освещал другую часть стены, за ванной. Он знаком подозвал коллег. Там, примерно в полутора метрах от земли, прямо на скале было выцарапано неровными прописными буквами:

Мы те, кого вы не видите, ибо не умеете видеть. Мы забираем, не возвращая, жизнь, Смерть. Без жалости.

Шарко и Левалуа молча переглянулись. Не было нужды в комментариях при виде такого послания. Это ужасное место, обнаженное бурей, вовсю воняло гнусностью и безумием. Франк сразу подумал о Жюле и Адриене, о своей жене, о новом доме, в котором им скоро предстоит жить. Они строили планы, строили свою семейную жизнь, а в это самое время здесь, в норе под землей, угасала молодая женщина.

Лейтенант провел пальцами по вырезанным в камне буквам, по словам, наверняка процарапанным каким-то психом. Ублюдком.

А может, даже ублюдками.

6

Признаки того, что у Камиль Тибо будет трудное детство, появились уже через три дня после ее появления на свет в родильном доме Жанны Фландрской в Лилле.

Мать с новорожденной девочкой еще находилась в больнице, когда кожа младенца внезапно посинела. Обследование очень быстро выявило фабричный брак. Маленький архитектор, которому было поручено следить за нормальным протеканием беременности, сплеховал и не совсем точно последовал плану. Из-за этой ошибки возникла патология с очаровательным названием: врожденная кардиопатия.

Что это значит? Один из сердечных желудочков Камиль недостаточно развился, следствием чего стало недостаточное насыщение крови кислородом. Венозная «синяя» кровь, не сумев протолкнуться к легким, смешивалась с «красной» артериальной и направлялась в аорту, а потом к мышцам. Для простоты: это все равно что залить солярку в бак машины, работающей на бензине.

После первой недели жизни бригада из семи человек, сплошь дипломированных специалистов, ввела катетер, снабженный баллоном, в крошечную пупочную вену младенца, чтобы разорвать стенки между предсердиями его сердечка и направить часть венозной крови в нужную сторону.

Затем сразу же последовали одна за другой еще три тя-

желые хирургические операции, а потом еще две, в шестимесячном возрасте и в четырехлетнем. Блестящие хирурги вскрывали ей грудную клетку и с ловкостью механика, подключающего аккумулятор к автомобилю, присоединяли трубки к сердечному органу, чтобы окончательно отделить «синюю» венозную кровь от «красной» артериальной.

В возрасте, когда другие дети играют в парках, Камиль росла в одиночестве под усиленным присмотром кардиологической бригады детской больницы города Лилля, глядя на движущийся мир из окна палаты в девять квадратных метров.

Но благодаря чудесам медицины ее организм оправился от своих травм и продолжал расти относительно хорошо. Начиная с шести лет маленькая темноволосая девочка с черными, как у бельчонка, глазами смогла ходить в школу, играть вместе с другими и даже заниматься спортом. Конечно, ее одножелудочковое сердце работало в ритме дизельного мотора, но справлялось превосходно и прокачивало свои четыре тысячи литров красной жидкости в день, как и положено любому другому детскому сердцу.

Вечером, засыпая, Камиль любила слушать, как шумит кровь у нее в ушах. Сердце стало ее сокровищем, ее любимой игрушкой, товарищем ее ночей, ее самым драгоценным имуществом. Глядя на большие поперечные шрамы, которые уродовали ей грудь, она представляла его похожим на сжатый кулачок. И обещала себе всю жизнь относиться к

нему с величайшей заботой – из страха расстаться с ним. Из страха однажды закрыть глаза и больше никогда их не открыть.

Камиль хотела жить.

Она любила жизнь.

Количество ударов сердца за время жизни – примерно два миллиарда. Количеством перекачанной крови можно наполнить пятьдесят олимпийских бассейнов.

Еще девочкой она прочитала массу специальной литературы. В школе на уроках биологии была способна превосходно объяснить роль крови, кислорода, различных органов человеческого тела. Знала множество цифр по этому вопросу, но говорила об организме и его частях не как о чем-то живом и целом, а как о наборе разных деталей, которые изнашиваются, порой плохо работают, а иногда даже требуют замены, если выходят из строя.

В двенадцать лет во время контрольных визитов к врачам она видела пациентов на диализе, окруженных чудовищными машинами, которые, заменяя неисправные почки, выкачивали грязную кровь и вливали им в жилы чистую. Все эти серые, усталые, отчаявшиеся лица глубоко трогали ее и наложили свой отпечаток, потому что смерть оказалась совсем рядом, она витала над больными, готовая их поглотить. Но также потому, что они показали ей: человеческое тело всего лишь машина, совокупность насосов, фильтров, очистителей. Как же функционирует этот невероятный механизм?

Является ли смерть следствием производственного брака? Когда и как она случится? Можно ли ее увидеть, предвидеть?

Франция: шестьдесят тысяч сердечных приступов в год. Ежедневно от инфаркта умирают четырнадцать человек.

Камиль выросла. Чувственная сторона ее молодой жизни стала катастрофой. Шрамы увеличивались, вытягивались на груди, как следы от ударов бича, беспрестанно напоминая ей о непрочности человеческого механизма. Камиль стыдилась своего истерзанного тела, своей почти несуществующей груди, мощных бедер, широких плеч. Она была выше всех на целую голову и напоминала могучие с виду деревья с крохотными корнями. Оболочка казалась крепкой, вот только внутри все было из хрусталя.

Камиль стала недоверчивой, научилась при новых встречах читать взгляды, расшифровывать движения глаз, сокращения зрачков. Глаза выдавали чувства. Впервые оказавшись обнаженной перед мужчиной, она покраснела от стыда, прочитав в мужском взгляде отвращение: было впечатление, что парень смотрит на кучу колючей проволоки. Именно тогда, в шестнадцать лет, она в первый раз исполосовала себе живот бритвой. Не для того, чтобы умереть, а всего лишь сделать себе больно, наказать свое проклятое тело.

Наказать саму себя.

С тех пор калечить себя стало для нее почти привычкой. Потребностью. И разрядкой.

В университете у нее почти не было подруг и даже пар-

ни ее остерегались: любую машину можно сломать, если знаешь, куда ударить. А Камиль, все больше замыкавшаяся в себе, это знала. Она выросла одна, без братьев и сестер: пережив с ней настоящий ад, родители уволили маленького архитектора, поскольку не были готовы снова отведать «радо-сти» размножения.

Избегать парней, чтобы обрести мужчин. В конечном счете именно с ними она чувствовала себя лучше всего, если только оставить в стороне секс. Потому что сама была на них похожа. Внешне, характером, своими привычками домоседа. В возрасте, когда девушки красятся, надевают платья и выходят с подружками, Камиль искала убежище в книгах, в занятиях биологией, в упражнениях для развития мускулатуры и боевых искусствах, в интенсивной ходьбе по лесу в брезентовых штанах или в тренировочном костюме. Она избегала курильщиков, никогда не пила спиртного, ела только здоровую пищу – чтобы предохранить драгоценный орган, сдержать свое детское обещание, о котором никогда не забывала. Чтобы не умереть от какой-нибудь гадости.

Вес сердца кита – 600 килограммов. Вес сердца мыши – 0,09 грамма. Вес сердца женщины – 300 граммов.

Поскольку природа наградила ее телосложением воительницы, солидной защитной оболочкой для маленького большого миокарда, следовало идти до конца. После бритвенных лезвий она научилась причинять себе боль другим способом, без усилий. Ей надо было только прочувствовать, как стучит,

колотится ее сердце, как мускулы становятся обжигающе горячими, как краснеет кожа, приобретая яркий, весьма заметный красный цвет, свидетельство того, что все идет хорошо.

Солярка становилась бензином.

Красный – цвет крови, синий – цвет униформы. Вполне различные, вполне заметные. Хватило рекламы и неудачи в занятиях биологией, чтобы ее будущее круто развернулось на сто восемьдесят градусов: был объявлен набор в национальную жандармерию. И вот в двадцать два года она сдала вступительные экзамены, чтобы стать унтер-офицером. Ей требовался контакт с чем-то настоящим, своя территория, чтобы чувствовать, как работает сердце, и слышать глухой ток крови, насыщенной кислородом после усилия.

В этом ремесле ей нравилось все: строгость, дисциплина, картезианский дух. В любом случае она не представляла себе, как стареет в лаборатории, сидя на стуле перед микроскопом. К тому же стать жандармом значило для нее сблизиться не только с жизнью, но и со смертью, исследовать человеческое тело, но иначе. Преступления, вскрытия – смерть в расследованиях была постоянной величиной.

Она знала, что это ремесло вполне соответствует ее стремлениям. После года учебы в школе Шатолена она стала одной из первых по успеваемости, несмотря на слабость в спорте, – в конце концов, она была всего лишь женщиной среди крепких парней. Камиль получила возможность самой выбирать место службы и решила вернуться туда, где все нача-

лось: в Лилль. А в отделении жандармерии Вильнев-д'Аска как раз появились новые вакансии техников-криминалистов. Идеальный выбор: ее будут посылать на место преступления, и она попытается понять причину смерти других. Тех, кто перешел в иной мир, в то время как она осталась жива.

Время пролетело так быстро... После пяти лет соприкосновения с мерзостью, кровавыми преступлениями, самоубийствами – безысходность, алкоголь, адюльтеры составляли основу почти девяноста процентов дел – она обновила свой контракт, уже на другой, более долгий срок. Потому что ее ценили в команде судебной полиции и время от времени позволяли шире участвовать в расследованиях, присутствовать при обысках или вскрытиях. Судмедэксперт позволял ей рассматривать вблизи раненые грудные клетки, ощупывать сердца, даже брать их в руку. Некоторые были большими, как окорока, другие лопнувшими, попадались мускулистые, светлые, темные, всегда разные. Порой судмедэксперт обнаруживал аномалии, не выявленные при жизни жертвы.

Камиль слушала, училась, размышляла. Она видела кровь в животах вскрытых трупов, эту липкую жидкость, которая после смерти просачивалась сквозь стенки артерий из-за силы тяжести. Она искала «синюю» кровь, ту, что испохабила ее детство, ее жизнь, но в конце концов выяснила, что такой просто не существует: это всего лишь иллюзия, возникающая, когда свет проникает сквозь кожу и вены. Настоящий цвет крови обнаруживался лишь под бестеновой хирургии-

ческой лампой: темно-красный, почти черный. Бедная кислородом, истощенная, усталая, похожая на ее собственную менструальную кровь. Сердца, движимые одним лишь природным электричеством, зачаровывали ее сложностью, способностью сокращаться, качать кровь. Если останавливалось сердце, останавливалось все.

Человеческий механизм раскрывал перед ней на стальном столе всю свою сложность.

Сердце кашалота: девять ударов в минуту. Сердце колибри: двести ударов в минуту.

Камиль должна была первой догадаться, что побывавшие в починке детали рано или поздно опять сломаются, не сегодня, так завтра. Первые признаки-предвестники появились у нее в тридцать лет: пальпитация, учащенное сердцебиение, аритмия. Она стала быстрее уставать, ее утомляло малейшее усилие, а когда просыпалась по утрам, болела грудь...

Вот так молодая тридцатилетняя женщина и оказалась снова там, где провела детство, – на койке кардиологической клиники, напротив больничного корпуса Роже Саленгро. Печальный поворот судьбы. Лилльский региональный больничный центр широко распахнул перед ней свои двери.

И кошмар начался вновь.

Ее сердце, которое она так старалась сделать крепким, мускулистым, воссоздать заново, билось слишком медленно, а порой так слабо, что его не удавалось слышать.

Перекачав пятьдесят миллионов литров крови, это сокро-

вище, о котором она так заботилась, так берегла, питала, как и оно питало ее с самого рождения, собиралось окончательно ее покинуть.

И то, чего Камиль больше всего боялась, наконец произошло: в первый раз она умерла 29 июля 2011 года, в 5 часов 10 минут утра.

Нервно сцепив руки, Камиль ждала, когда кардиолог сообщит ей результаты обследования. После падения на Кошачей горе четыре дня назад ее доставили на «скорой» в клинику Роже Саленгро в региональном больничном центре Лилля. Молодая женщина ничего не помнила, кроме сильной боли в груди.

Доктор Кальмет, лет шестидесяти, как раз просматривал на негатоскопе рентгеновские снимки ее коронарных сосудов. Проведенная процедура состояла в том, чтобы впрыснуть с помощью зонда, введенного в бедренную артерию, контрастное йодированное вещество, позволяющее окрасить коронарные артерии. Молодой женщине пришлось еще раз вытерпеть магнитно-резонансную томографию сердца, операционный блок, общую анестезию и пробуждение на незнакомой койке в двухместной палате, да к тому же с какой-то хрипящей старухой рядом. Три полных дня медицинских обследований в кардиологической клинике, которые показались ей бесконечными. Доктор заметил, что она с интересом смотрит на окрашенные пробы меж двух стеклянных пластинок в прозрачном пакетице на столе. Ее биопсия...

– Это для вас, – сказал Кальмет. – Видите, на этот раз я не забыл.

– Спасибо.

– Некоторые коллекционируют марки, другие оловянных солдатиков, а вы...

Камиль притянула образец к себе – бесконечно тонкий срез ее сердца меж двух стеклышек – и с интересом рассмотрела, прежде чем положить в сумочку.

– Похоже, что сердце по собственному почину решило поторопить нашу триместровую встречу, – отрезала она, чтобы избежать оправданий. – Сообщите мне добрую новость, доктор.

Кальмет наблюдал ее больше полутора лет. У Камиль было впечатление, что она доверяет ему больше, чем собственному отцу. Он видел ее на пороге смерти, совершенно неузнаваемой, когда у нее отказали почки, легкие стали наполняться водой, а больное сердце билось все медленнее и при этом парадоксально раздувалось, словно окорок. Еще молодая женщина во всех подробностях запомнила тот день, когда через несколько недель после первых симптомов Кальмет объявил ей, что у него есть для нее новое сердце.

Нежданная удача, учитывая редкость ее группы крови.

Врач смущенно поправил свои маленькие круглые очки. В них он был похож на Ганди, только с посеребрёнными сединой волосами, стриженными «под горшок».

– Хорошая новость состоит в том, что вы почувствовали ангор. Это случается лишь у двоих-троих из сотни человек с пересаженным сердцем.

Камиль незаметно вздохнула. Еще до того, как выйти из материнской утробы, она уже угодила в область малых процентов и особых случаев: с ней вечно приключалось то, чего с остальными людьми не бывает.

Врач продолжил свои объяснения:

– Этим словом обозначают сильную боль в груди, которую реципиент, то есть человек, подвергшийся пересадке, обычно ощущать не может. Когда у донора изымают сердце, то, разумеется, перерезают все нервные окончания. И у реципиента они никогда не приживаются. Во время операции по пересадке присоединяют вены, артерии, но не нервы. Следовательно, пересаженный орган в большинстве случаев нечувствителен ко всякой боли. Вам можно воткнуть иглу в сердце, и вы ничего не почувствуете.

– Так почему же мне тогда больно? Почему я чувствую боль в сердце?

Кальмет сел напротив Камиль по другую сторону письменного стола. Со времени операции его пациентка никогда не говорила о пересаженном ей сердце как о своем собственном, никогда не называла его «мое сердце», но всегда просто «сердце» или «оно». Врачу так и не удалось убедить ее, что миокард, бившийся отныне в ее груди, принадлежит ей на все сто процентов.

– В очень редких случаях, которые пока еще не удастся объяснить, нервные окончания пересаженного органа сами по себе срастаются с нервной системой реципиента, словно

чужое сердце пытается завоевать новую территорию. Совершенно слиться со своим носителем, включая самые сложные ответвления...

Камиль почувствовала, как по ее телу пробежала волна дрожи. Она представила себе, как это сердце срастается с ее организмом, с ее нервами, словно паразит, который пытается поработить ее, поглотить. Она вдруг вспомнила о своих снах. О лице той женщины, которая звала ее на помощь и словно говорила с ней оттуда, из глубины ее самой.

Из сердца...

Она тряхнула головой. Нет, это глупо.

– А вы по-прежнему ищете прежнего владельца этого сердца? – спросил Кальмет.

– Вы же знаете... Если бы я могла получить ответы, которые способен дать «Кристалл», это облегчило бы мне задачу.

«Кристалл» – информационная система национального биомедицинского агентства, которое устанавливает связь между донором и реципиентом. Наверняка это самая защищенная база данных: лишь очень немногие имеют к ней доступ, а специалистов, знающих одновременно донора и реципиента, еще меньше.

Врач укоризненно посмотрел на молодую женщину, поскольку знал, что у некоторых реципиентов развиваются психиатрические осложнения, из-за того что они начинают сомневаться в целостности собственной личности, особенно в случаях пересадки сердца. Он открыл было рот, словно что-

бы повторить в который раз то же самое, но в конце концов раздумал и застучал по клавиатуре компьютера.

Камиль приложила руку к груди:

– Кроме этой истории с ангором, там внутри все в порядке?

Врач кивнул на снимки:

– Ваши артерии и вены здоровы. Вопреки предположениям сердечного приступа у вас не было.

– Тогда что же это такое?

Кальмет поморщился. Стал раздраженно кликать мышкой. Он явно хотел сказать что-то важное, но не знал, как подступиться. Молодая женщина сразу же почувствовала, как внутри у нее вскипает тревога.

– Пожалуйста, доктор. Скажите мне, что не так.

Кальмет вздохнул и развернул экран к пациентке:

– Ну что же, ладно. У меня здесь результаты магнитно-резонансной томографии, которую вам делали вчера, а также позавчерашняя биопсия. Выскажусь яснее, Камиль: ваш трансплантат оказался дефектным.

«Дефектным»... Слово из того же ряда, что и «непригодное», «нефункциональное», «изношенное» и так далее. Она слышала их слишком часто, они убивали ее, гребили в течение всех этих лет.

– Дефектным? И что это значит?

– Стенки полостей вашего сердца перерождаются. Со времени вашей последней биопсии произошла очень заметная

и крайне быстрая эволюция... – Кардиолог показал некоторые места на экране компьютера с изображениями сердца. – Проще говоря, нормальные клетки, те, что побуждают ваше сердце сокращаться, постепенно заменяются волокнистыми тканями. Вследствие этого замедляется ритм, теряется эластичность миокарда, уменьшается объем полостей. К несчастью, этот процесс необратим. Скоро ваше сердце перестанет биться, словно окаменеет.

Повисло молчание. Врач вывалил все разом. Камиль почувствовала, как к глазам подступают слезы. Она смотрела на снимки, на белые, холодные стены. Ей хотелось зацепиться взглядом за что-нибудь теплое. За красивое фото, чью-нибудь улыбку, а не видеть перед собой эту обстановку морга. Ее жизнь свелась к срезам сердечной мышцы между двумя стеклышками да снимкам грудной клетки на поверхностях с задней подсветкой. Нет, она не выдержит.

– Так вы говорите, что это новое сердце... которое провело в моей груди всего год... оно умирает, да?

– Его отторгает ваш организм. Это называется хроническим отторжением. Ваш трансплантат пытается срастись с вашим телом, но тело этого не хочет. Ваша иммунная система расценивает его как врага и делает все, чтобы уничтожить. Воюет с ним.

Камиль не понимала:

– Но я же принимаю иммунодепрессанты! Каждый день глотаю таблетки!

Врач говорил спокойным голосом. ужасно невыразительным. Как всегда.

– При хроническом отторжении иммунодепрессанты неэффективны. К несчастью, именно этот тип отторжения является главной причиной неудач в сердечной трансплантологии. Мы говорили об этом перед вашей операцией, вы были в курсе риска и...

– Сколько у меня времени?

– Как я вам сказал, эволюция необычайно быстрая, вообще этот случай меня крайне смущает. Я собираюсь просить...

Камиль его уже не слушала, ей хотелось кричать. Кричать о своем возмущении, бессилии. Хотелось искромсать бритвой это тело, убивающее само себя. Она проклинала его. Ну почему было не принять это чертово сердце? Зачем считать его своим врагом, если оно позволяет жить?

Все равно что змея, которая пытается удушить саму себя. Непостижимо.

– Так сколько времени? – переспросила она.

– Волокнистые ткани уже значительно внедрились в сердечную мышцу. Это вопрос нескольких недель.

Все закрутилось слишком быстро. Камиль никак не удалось осознать: она умрет, и теперь уже по-настоящему.

– Мы найдем решение, – сказал врач.

– Какое? Положите меня на больничную койку, подключите к аппаратам, пока этот кусок кого-то другого сам от ме-

ня не отвалится, как старый автомобильный мотор? Я не хочу кончить свою жизнь в больнице. Я здесь с тех пор, как родилась. С меня хватит.

– Не говорите так. Вас надо немедленно госпитализировать, вам следует оставаться под наблюдением.

– Нет. Я отказываюсь от госпитализации, – резко возразила Камиль.

– Подумайте хорошенько. Вам может стать плохо в любой момент, и мы должны быть рядом, чтобы...

Она решительно тряхнула головой:

– Пожалуйста, доктор. Не настаивайте. Я подпишу отказ от реанимации, чтобы никто не смог обвинить ни вас, ни больницу.

Кальмет выглядел раздосадованным.

– В любом случае я снова внес вас в список ожидания органов для пересадки. Суперсрочный. Если хоть немного повезет с совместимостью, вы пройдете впереди всех остальных.

Несколько секунд Камиль оценивала предложение, но в итоге снова покачала головой:

– Мне уже не повезет заполучить совместимый трансплантат, и мы оба это знаем. Сроки слишком коротки, а у меня слишком редкая группа крови. Сколько? Наверняка такая меньше чем у десяти процентов населения, верно?

Врач молча кивнул.

– И к тому же нас слишком много в списках ожидания, и

все суперсрочные. Каждый день на больничных койках умирают люди, потому что не получают органов.

Она ткнула указательным пальцем в стол, разрываясь между гневом и досадой.

– Я прекрасно знаю цифры, доктор. Я столько времени провела в больницах и насмотрелась на людей, умиравших, потому что они не получили свою почку, легкое или печень. Помню их взгляды, их бессилие... Будь вы бедным или богатым, белым или черным, это так ужасно – ждать смерти, когда повсюду вокруг вас жизнь, вот только вами она пренебрегает. Шанс, который мне достался, второй раз не выпадает. Я уже получила сердце, и все эти люди в халатах с их приоритетами и предназначениями наверняка предпочтут сохранить жизнь кому-нибудь другому. Истина в том, что я тоже подохну.

Доктор Кальмет смотрел ей в глаза не моргая.

– Вы искажаете истину, мы никогда не оставляем людей, не сделав все возможное. И для вас тоже есть решение: временное искусственное сердце, в ожидании трансплантата.

Камиль снова покачала головой. Она уже видела, на что похожи пациенты, снабженные таким «сердцем». Они должны постоянно передвигаться с большой батареей под мышкой, провода от которой торчат из их груди, как леска с крючком из рыбьей пасти. Люди-машины. Она вспомнила пациентов на диализе, их серые лица, которые так поразили ее в детстве, и ее затошнило.

– Нет, – сказала она. – Никогда.

– Подумайте о том сердце, которое борется в вас, укореняется в вашем теле, несмотря на эту внутреннюю войну. Больной, который тоже нуждался в пересадке, наверняка уже умер, потому что не смог получить ВАШЕ сердце, то самое, которое бьется в вашей груди, каким бы дефектным оно сегодня ни было. Вы не имеете права сдаться.

Камиль взяла себя в руки и в свой черед посмотрела на врача:

– В таком случае скажите мне, по крайней мере, кому принадлежало это сердце. Чтобы я перестала коллекционировать результаты биопсии и смогла дать ему какое-то имя, лицо, личность. Чтобы хотя бы знала, кому обязана жизнью, пусть даже она оказалась гораздо короче, чем я предполагала. Мне бы так хотелось пообщаться с его семьей, увидеть фотографии, поговорить, прежде чем... умереть, так и не узнав этого.

– Вы горячитесь. Я ведь вам говорил и еще раз говорю, что я не...

– Вы же можете узнать. Позвоните.

– Невозможно. Вся информация закрыта, и я вам гарантирую, что ни мне, ни кому-либо другому в этой больнице неизвестно, как зовут донора. Вся документация хранится по частям... изъятие, доставка, сама пересадка... чтобы никто не узнал. Ваше сердце – всего лишь штрихкод в «Кристалле», у него нет ни имени, ни адреса. Только директор

биомедицинского агентства да несколько других начальников, которые работают с ним, знают коды и имеют доступ к досье донора, но они ни за что на свете не скажут. Не пытайтесь разузнать больше, это ни к чему не приведет. У вас нет права заявиться к семье вашего донора и снова оживить горе, которое, быть может, им удалось забыть.

Камиль злилась на свое бессилие. Она знала эти слова наизусть. Закон о медицинской этике от 1994 года: «Донор не может знать личность реципиента, а реципиент личность донора».

– Я не могу иначе, это сидит внутри меня. И часа не проходит, чтобы я не думала о своем доноре, которого пытаюсь себе представить. Какой была его жизнь? От чего он умер? Или это была она? И... все стало еще хуже с тех пор, как мне кажется, что сердце со мной говорит. Требуется мести.

– Требуется мести? Объяснитесь.

И Камиль не сдержалась. В любом случае ей уже было нечего терять.

– Мне снится, что какая-то молодая женщина зовет меня на помощь, я даже... – она положила на стол пачку сигарет, – купила эту гадость, хотя никогда в жизни не курила. Сигареты мне отвратительны до такой степени, что вы не можете себе вообразить. И как вы это объясните?

Врач смотрел на сигареты, явно ошарашенный.

– Подавляющие отторжение препараты могут исказить ваши желания и ощущения, в частности вкусовые.

– Мне не нужны научные объяснения. Не нужна эта наука, которой не удастся меня спасти. Тут что-то другое, теперь я в этом уверена. Я, быть может, и умру, но не раньше, чем пойму, в чем тут дело.

Она смахнула навернувшиеся слезы тыльной стороной ладони.

– Вы говорите, что сердце, которое бьется во мне, пытается срастись с моей нервной системой, а мое тело хочет его уничтожить. Вы говорите, что это ненормально, что это бросает вызов статистике. Так вот: Я САМА бросаю вызов статистике, с самого раннего детства. Существует ли другое объяснение для моих повторяющихся снов, внезапных скачков настроения и определенных изменений в моих желаниях?

Врач вздохнул и после долгого колебания наконец сказал:

– Да, кое-что и в самом деле существует. И хотя факты и реальные случаи подтверждают это, все врачи и ученые, включая меня самого, отвергают это явление целиком и полностью.

Камиль еще больше склонилась над столом.

– И о чем идет речь?

– Все эти воспоминания, жесты, вкусы передает вам пережатое сердце. Они принадлежат не вам, а вашему донору. Это называется клеточной памятью.

8

В недрах каменоломни Сен-Леже-о-Буа гидравлический домкрат сорвал наконец замок решетки.

Четыре спецназовца ступили на лестницу и стали ритмично подниматься, за ними Белланже, Левалуа и Шарко. Поскрипывание крепких ботинок из гортекса с берцами, шуршание полипропиленового камуфляжа, прерывистое дыхание. Похоже, здесь было с полсотни очень крутых ступеней. В тесном туннеле со сводчатым потолком можно было двигаться только гуськом.

Миновав ровную площадку в несколько метров, полицейские наткнулись на другую дверь, покрытую звукоизолирующим материалом. Электрический провод, тянувшийся от видеокамеры, в этом месте входил в скалу и исчезал за дверью.

– Осторожно.

Снова пустили в ход домкрат. Спецназовцы держали помповые ружья наизготовку, чтобы отреагировать на малейшее движение. Треск дерева, скрежет металла. Замок уступил. Люди толкнули дверь. Однако им пришлось приложить немалые усилия, словно проход загромождало что-то тяжелое. Спецназовцы подналегли, и за дверью послышался грохот.

Теперь они оказались в маленьком замкнутом помеще-

нии сплошь из бетона. И невообразимо захламленном: садовый инвентарь, железные прутья, старая мебель, канистры... Туннель, откуда они только что вышли, был замаскирован тяжелым шкафом, досками и изолирующим материалом. Этот тайник тотчас напомнил Шарко убежище Марка Дютру, бельгийского педофила: с таким же защищенным и скрытым доступом туда, где, несомненно, творились наихудшие ужасы. Воспоминание навело его на мысли о Жюле и Адриене, об их невинности, и ему стало не по себе. В последнее время подобные непрошенные и неуместные мысли посещали его все чаще.

– Теперь мы в бывшем бункере, – шепнул Белланже.

Свет, косо проникавший сюда через отверстие в потолке, указывал, что они уже на поверхности. Тут имелся маленький электросчетчик, соединенный с розеткой и освещавшей помещение лампочкой. Другой провод, из-за двери, наверняка питавший лампочки и видеокамеру в подzemелье, был выведен непосредственно на щиток с предохранителями.

Взломав наружную дверь бункера, они оказались в глубине сада, у самой кромки леса. Солнце жарило изо всех сил. Трава, заплонившая участок, местами пожелтела. Прямо перед ними, метрах в тридцати, стоял небольшой частный дом – двухэтажный, кирпичный, с закрытыми ставнями. На земле валялись сорванные бурей черепицы. Ближайшее от него жилище едва виднелось за деревьями, метрах в двадцати. Еще дальше в голубом небе торчала церковная коло-

колья.

На подъездной дорожке никакой машины. Пригнувшись, они двинулись вперед, к дому. Заняв позиции по обе стороны от двери, два спецназовца подали знак всем остальным остановиться; двое других сделали то же самое у задней двери.

Франк Шарко со своим «зиг-зауэром» в руках держался у стены рядом с шефом. По его затылку струился пот. Жара, прилив адреналина от участия в операции, гнусности, обнаруженные в подземелье... Да еще недосып, короткие ночи, которым задавал ритм свирепый аппетит Жюля и Адриена. До него дошло, что его пальцы, стиснувшие рукоять пистолета, дрожат, а живот превратился в свинцовый шар. Эти симптомы появились у него после рождения близнецов. И что любопытно, возникали, стоило ему попасть в стрессовую ситуацию. Словно он новичок и на своей первой операции, объятый отвратительным страхом схлопотать пулю.

– Все нормально, Франк? – шепнул Белланже. – Неважно выглядишь.

– Жара...

Через минуту семь человек проникли в дом и быстро его осмотрели. Комнаты совершенно пустые. В гостиной ни мебели, ни телевизора, нет холодильника на кухне, там осталось только мусорное ведро, пустое и чистое. Чердак продувался ветрами, заливался дождем. Спецназовец доложил, что на втором этаже тоже ничего нет. Было очевидно, что в

доме никто не живет.

– Ладно, больше обыскивать не будем, – сказал Белланже. – Пусть тут сперва криминалисты поработают.

Едва Шарко вышел, как завибрировал его мобильник. Эсэмэска. Люси интересовалась, что нового, как почти всякий раз, когда он был на деле.

Визит прошел хорошо, но я пока, как обычно, не знаю.

Посмотрим. Вызов Белланже – это серьезно? Сообщи.

Жюль спит как ангел, а Адриен, похоже, уже тебя требует.

Текст сопровождал смайлик.

Шарко вздохнул. С помощью всех этих эсэмэсок, которые она ему посылала, Люси пыталась участвовать в расследованиях как бы «по доверенности» и, как только он возвращался, совала нос во все дела. Он знал, что жена рада возиться с близнецами, но при этом несчастна из-за того, что сидит взаперти дома, в то время как он ходит на охоту.

Он набрал ответ:

Все в порядке. Вечером расскажу. Чмоки-чмоки.
Шарк

Отправив сообщение, он снова помрачнел. Наоборот. Ничего не в порядке. Что это был за странный приступ тревоги, который даже Белланже заметил? И к тому же Шарко знал: стоит ему вернуться домой, как Люси непременно попытается

ется выведать все подробности, принять активное участие в расследовании – не мытьем, так катаньем. Она просто не могла по-другому. И в глубине души он был убежден, что она не выдержит еще две недели, которые остались ей до выхода на работу.

За спиной послышался голос подошедшего Николая Белланже.

– Я только что дозвонился в мэрию Сен-Леже, – сообщил он.

– Ну и?..

Они направились на улицу.

– Забираем машины и едем к владельцу этой халупы. Некто Жиль Лебрэн, живет на другом конце деревни. По словам типа из мэрии, ему эта хибара в наследство от отца досталась, а сам он, похоже, ее кому-то сдает.

– Какие ужасы вы мне рассказываете.

Жилу Лебрёну, жизнерадостному плешивцу с фигурой, похожей на кеглю для боулинга, было лет пятьдесят. Он проживал в красивом кирпичном доме, веранда которого выходила на большую лужайку с качелями. Разнообразные фотографии в рамках свидетельствовали о наличии жены и детей.

Услышав от Шарко и Белланже о мрачной находке, он внезапно побелел как мел и опустился на банкетку в гостиной. Похоже, это произвело на него сильное впечатление.

– Туннель под бункером... Я и не знал, отец никогда о нем даже не заикался.

Полицейские молча переглянулись. Белланже кивком пригласил его продолжить свои объяснения.

– Он умер пять лет назад. В том доме обосновался в восьмидесятых. Мы с ним мало общались, отношения у нас всегда были прохладными... Может, он случайно нашел ход в эту штольню и решил никому не рассказывать, когда бункер раскопал в саду, чтобы устроить кладовку для инструментов. Предыдущие-то владельцы никогда там ничего не делали, все забросили, вот его и засыпало землей. Не знаю, может, вы заметили: уж чего-чего, а бункеров в наших краях хватает...

Он умолк, устремив глаза в пустоту. Белланже и Шар-

ко расположились напротив него. Спецназовцы вернулись в свою машину, а дожидаться криминалистов из судебной полиции возле бункера остался лейтенант Левалуа.

Капитан подтолкнул к Лебрёну фотоаппарат.

– Видели когда-нибудь эту девушку?

Тот взгляделся в экран и с гримасой отвращения покачал головой.

– Нет, никогда. Она тут чертовски плохо выглядит. Да еще эти глаза...

– Ее наверняка долго держали взаперти, под землей. Как раз под садом вашего отца, в самом конце.

– Какая гнусность. Такие истории каждый день слышишь, но чтобы тут... Это же маленький спокойный городок, никогда бы не поверил, что такое...

– По словам служащего мэрии, вы сдавали дом. Расскажите о ваших последних жильцах.

Лебрён ходил за пивом, заодно предложив его полицейским, но те предпочли воду. Исполнив их просьбу, он залпом выдул треть бутылки.

– Он всего-то и был один. Звать Оливье Макарё. Вечно ходил в бейсболке и темных очках. Я бы мог вам его описать, но это будет неточно. Тип скромный, с ним никогда не было никаких проблем.

– Примерно какого возраста?

– Я бы сказал, лет тридцати. Скорее невысокий и довольно щуплый. Он обратился ко мне года два с лишним назад,

сказал, что хотел бы снять дом моего отца. Мне никогда и в голову не приходило его сдавать, я уж начал подумывать, не продать ли его совсем. Ну кто будет снимать эту халупу в Сен-Леже?

Белланже достал блокнот «Молескин» в кожаной обложке, ручку «Waterman» и записал основные сведения. Шарко смотрел на их собеседника не моргая: каждый раз, как тот делал глоток, кончики его пальцев подрагивали.

– А зачем этот Макарё обосновался в вашем городишке? – спросил он.

– Сказал, что работает в Нуайоне, это в пятнадцати километрах отсюда. Что-то связанное с маркетингом, точнее не могу сказать. Ему хотелось пожить в спокойном месте, на природе. Спросил меня, за сколько сдам. Я назвал цену. Он сразу же согласился. Так вот все просто и уладилось.

Он покачал головой, не выпуская из рук бутылку.

– Должно быть, он знал про туннель, – сказал Белланже, – наверняка это и послужило главной причиной, чтобы снять именно ваш дом. Отец был человеком общительным? Со многими виделся? Мог он кому-нибудь рассказать о подземелье?

– Он тут больше тридцати лет прожил. А до выхода на пенсию почти каждый день ездил в Париж. Работал водопроводчиком и любил выпить после работы. Частенько бывал в столичных кафе и даже в восемьдесят лет порой еще туда таскался. А это создает массу возможностей для знакомств,

верно? Но что Макарё, постоялец, знал моего папашу, это как пить дать. Он как-то упомянул, что раньше с ним встречался. Может, тот чинил ему что-нибудь.

Шарко встал, снял пиджак и положил себе на колени. Не удержался и бросил взгляд на свои грязные туфли. Потом спросил:

– Постоялец был всегда один?

– Думаю, да. На самом деле мы с ним нечасто виделись. Иногда он по нескольку дней не появлялся. И даже когда находился здесь, в доме часто было темно, свет горел только в маленькой комнатке наверху. Но зато до самой поздней ночи. Впору задуматься было, когда же этот тип спал...

– Как он вам платил?

Лебрэн, явно занервничав, помолчал. Потом нехотя ответил:

– Наличными. Мы оба так предпочли.

– Понятно... И вы, стало быть, никогда не требовали от него расписку и, разумеется, ни разу не проверяли его документы...

Глоток пива, который сделал Лебрэн, сам по себе был ответом. Допив, он поставил пустую бутылку перед собой.

– Макарё всегда платил исправно, но в один прекрасный день вдруг исчез, да так больше и не вернулся.

Шарко и Белланже обменялись быстрым взглядом.

– Расскажите-ка поподробнее, – попросил лейтенант.

– Это было прошлым летом. Я не получил от него деньги

за август. Обычно он бросал конверт в мой почтовый ящик первого или второго числа каждого месяца. Никогда ни на день не задерживал. Я оставил ему несколько записок с напоминанием об оплате, но потом понял, что его здесь больше нет...

Прошлым летом... Если так, то бедная девушка, наверное, больше года блуждала по туннелям, потихоньку уничтожая огромный запас воды и консервов. Это было немыслимо, почти нереально. Потрясенный Шарко попытался сосредоточиться на словах Лебрена.

– Тогда я позволил себе наведаться в дом. И очень удивился, потому что там оказалось почти пусто. Ни стола в гостиной, ни телика, только две-три старые мебели. Даже холодильника не было. Холодно и... как-то ненормально. Особенно в спальне.

Шарко наклонился вперед:

– И что там было в спальне?

– Картины на стене. Такая жуть. Я аж сдрейфил. А теперь вот вы говорите, что там, в подземелье, та бедная девушка сидела... Да, похоже, с тем типом не все было чисто. Псих и извращенец, что-то в этом роде. Решил свинтить отсюда, никого не предупредив. Он потому и не снимал никогда свои темные очки и бейсболку.

Лебрен кивнул в сторону сарайчика в саду, видневшегося через большое окно.

– Полгода назад я из того дома все выкинул и сюда в са-

рай перетащил, а там навел порядок, потому что брат с женой приехали погостить на три недели. Туда я их и поселил. Господи боже, как подумаю, что бедная девушка была от них всего в нескольких метрах под землей...

Шарко легко представил себе чувство ужаса, которое должен испытывать Лебрен.

– Мебель я продал старьевщику, не век же ее хранить. У меня остались только картины.

– Мы бы хотели на них взглянуть.

– Пойдемте.

Они двинулись к садовому сарайчику, изрядно пострадавшему от бури: маленький ставень валялся на земле, стекло было разбито. Небрежно сваленные у стены картины были покрыты пылью. Насчет отпечатков пальцев – совершенно гиблое дело. Жиль Лебрен приподнял их и слегка обмахнул стекла тряпкой. На самом деле они оказались не оригинальными полотнами, а цветными репродукциями в простых рамках из сосновых планок.

– Если немного повезет, может, найдем отпечатки на бумаге под стеклами, – поделился соображением Белланже.

– Если только они не были куплены вместе с ними, – заметил Шарко.

Подойдя поближе, полицейские с отвращением поморщились. Лебрен достал электронную сигарету из кармана и поднес к губам.

– А я что говорил? Жутковатые картинки.

Камиль заперлась в своей двухкомнатной квартирке, расположенной в западной части казармы. Чистенько, опрятно, функционально. Поскольку жила она здесь по служебной необходимости, то за жилье не платила. На стене литография Дали «Постоянство памяти». Старый телевизор, который молодая женщина никогда не включала, повсюду часы с шумными механизмами. Рядом с кроватью метроном.

Окно гостиной выходило на приятный и тенистый зеленый массив. На заднем плане, всего в сотне метров отсюда, можно было рассмотреть здание, где работала Камиль Тибо. Эта близость была и преимуществом, и неудобством. При желании можно никогда не покидать эту военную вселенную и буквально провести здесь всю свою жизнь.

Здесь жили целыми семьями. Дети играли в траве, жены питались в столовой вместе со своими мужьями. Место было полно радости, криков, движения.

Но для Камиль все это скоро закончится.

Больше никаких планов, будущего, жизни. Несмотря на настойчивость своего кардиолога, она отказалась от больничной палаты – одна только мысль об искусственном сердце с портативным ящиком в несколько кило, который пришлось бы постоянно таскать с собой, вызывала у нее тошноту.

Она провела жизнь в больницах и не хотела там умирать.

Упоминание в ее медицинской карте об «отказе от реанимации» снимала с больницы всякую ответственность в случае возникновения проблемы. Кальмет сделал эту запись с большой горечью и сожалением.

Стоя перед раковиной в маечке на бретельках, Камиль сунула окровавленное бритвенное лезвие под водяную струю. Безразлично смотрела, как красная жидкость исчезает в водовороте слива, только стиснула зубы, потому что боль обжигала живот.

Она страдала, но почувствовала себя лучше. Словно опустошенной. Она уже давно не калечила себя. Необоримая потребность причинить себе боль внезапно выскочила откуда-то из глубины ее внутренностей.

Рассудок может порой забыть, но тело никогда.

Она провела бритвенным лезвием точно по прежним шрамам. Чтобы разбередить старые раны.

Выпустить своих демонов.

Она колебалась: не вонзить ли бритву глубже? Туда, где струится мощный поток крови, красной, как кирпичи домов севера. Прекратить все разом. Положить конец своим мучениям.

Но что-то этому помешало. Что-то в ней самой. Наверняка ее бойцовский характер.

Наложив на раны повязки, она снова села на кровать, впевнив глаза в пространство. Грустно, до чего же грустно. Ее рука машинально погладила Веточку, кошку, тершуюсь о ее

ноги. Бедная зверюшка. Что с ней станет, когда она уйдет?

Камиль отказывалась верить в чудо с новым сердцем и жить в гнусном ожидании еще одной пересадки тоже отказывалась. Отказывалась ждать чужой смерти при ужасных обстоятельствах – чтобы у кого-нибудь лопнул сосуд в мозгу, или произошел разрыв аневризмы, или случилась драма на дороге, – чтобы можно было надеяться получить трансплантат вместе с его тканями. Если такое произойдет, медсестры-координаторы начнут переговоры с семьями, пытаюсь убедить их согласиться на дарение, особенно налегая на описание надежды, которую они подарят человеку, если он получит этот орган. Однако по различным причинам – религиозные убеждения, страх увидеть изувеченные останки, отказ от траура или простое незнание воли умершего – близкие противятся этому, так что большая часть еще пригодных органов в конце концов отправляется в могилу вместе со своим хозяином.

А больные продолжают жить в аду, мучаясь на своих койках.

Ждать органа – все равно что цепляться за спасательный круг посреди океана, надеясь, что мимо пройдет какое-нибудь судно.

Камиль больше не хотела быть среди потерпевших крушение. С теми, кто молится, чтобы дверь их палаты открылась и они увидели обнадеживающее лицо врача. С теми, кто ежечасно и ежедневно надеется на волшебные слова: «У нас

есть для вас сердце». Надежда на трансплантат точит вас изнутри, отнимает ваши последние силы.

Это убийственная надежда.

Очередной бритвенный разрез на ее исполосованном шрамами теле открыл Камиль глаза. Она не собирается ждать, пока появится корабль, но продолжит плыть, пока сможет, пока ей позволят силы.

Сдохнуть на ходу, если понадобится, но сдохнуть на своих ногах, в пути. Через пять дней или через три недели.

Она, кривясь от боли, вытянулась на постели рядом с Веточкой и прижалась ухом к маленькому кошачьему сердцу. Сто тридцать ударов в минуту в спокойном состоянии, имеет форму ореха. Потом поразмыслила над последними словами врача и встала. Прошла в глубину комнаты, открыла дверцу комода и вынула обувную коробку.

Внутри хранились крошечные кусочки ее донора, анонимные детали пазла. Его биопсии, темные ломтики принадлежавшего ему сердца, обезвоженные и пойманные в ловушку из синтетической смолы. Черно-белое фото миокарда в разрезе, сделанное во время МРТ, на котором сердце скорее среднего размера, которое могло бы принадлежать какому угодно взрослому какого угодно возраста и какого угодно пола. Газетные статьи о трансплантологии, о дорожных происшествиях, об изъятии органов... Она сохранила даже металлические скобки со своего большого поперечного шрама.

Это все, что ей удалось собрать.

Она взяла стеклянные пластинки и рассмотрела со всех сторон. Доктор был в некотором смысле прав: как эти скопления пульсирующих клеток могли накопить ощущения, воспоминания? Откуда у сердца память и как оно могло воссоздавать кусочки жизни своего прежнего обладателя?

Как говорил Кальмет, это глупость. Эпоха Древнего Египта, когда верили, что сердце – вместилище души, давно миновала, и уж кому, как не ей, Камиль, знать, что сердечная мышца – не более чем бездушное орудие, деталь машины, предназначенная ее двигать. Остальное – не более чем миф и поэзия.

В конце концов она отложила в сторону свою зловещую коллекцию, проверила состояние повязок и глотнула зеленого чая, слушая механическое тиканье часов. Ей всегда приходилось избегать возбуждающих напитков, таких как кофе, например, но что помешает ей сегодня выпить его? К тому же ей хочется. У людей, которым предстоит умереть, тоже есть права. К чему по-прежнему следовать правилам, навязывать себе запреты?

С этими мыслями она погрузилась в американский журнал, который ей нехотя одолжил доктор Кальмет, – «Journal of Near-Death Studies», датированный 2002 годом, номер которого был посвящен клеточной памяти.

Можно было относиться скептически, не верить в эту гипотезу, но приведенные, вполне доказанные факты ошеломляли. Все они имели место в Соединенных Штатах. В журна-

ле указывалось, что тамошнее законодательство насчет донорства органов разрешает реципиентам встречаться с семьей донора, если обе стороны не возражают.

Вот бы такое было возможно во Франции, подумала Камиль. В конце концов, если и те и другие согласны, зачем им мешать?

Эти встречи порождали невероятные истории.

Например, в 2000 году мужчина сорока семи лет, рабочий-литейщик, которому пересадили сердце, вдруг пристрастился слушать классическую музыку, и все его близкие утверждали, что характер у него значительно смягчился всего за несколько недель, прошедших после операции. Впоследствии он узнал, что его донором был молодой человек двадцати четырех лет, студент-скрипач, убитый пулей в голову по дороге на занятия: он упал, прижимая к себе свой инструмент.

Камиль проглатывала строчку за строчкой; ей казалось, что эти свидетельства обращены прямо к ней. Тут реципиент через три месяца после пересадки начал бояться воды: оказалось, его донор утонул в бассейне. Там женщина узнала своего донора на семейной фотографии среди десяти человек, хотя никогда его раньше не видела.

Примеры сыпались как из рога изобилия, а вот научные объяснения медицинских светил были совершенно несерьезны: сплошь разглагольствования о психических феноменах, о совпадениях, о внушении и самовнушении, о побоч-

ных эффектах лекарств, которые могут исказить ощущения. На самом деле никто не занимался изучением подобных случаев: свидетельства были слишком редкими и с трудом поддавались проверке.

Сторонники опыта неизбежной смерти (то есть те, кто интересуется необычайными явлениями, связанными со смертью) использовали выражение «клеточная память»: якобы некоторые пережитые донорами сильные впечатления или яркие воспоминания отложились в клетках их тела. По их утверждениям, клеточная память объясняет также различные ощущения или фобии (головокружение, боязнь пауков), поскольку мать могла передать их своему ребенку через плаценту. Они отвергали передачу ощущений генами и предпочитали говорить о «памяти органов». Наиболее продвинутые гипотезы были столь же убедительны, сколь и поразительны.

Взволнованная прочитанным, молодая женщина закрыла журнал. А ведь она даже не знает, отчего умер ее донор! И кто он – мужчина или женщина? Каким был его возраст, цвет кожи? Где он жил?

Ей практически не предоставили никаких данных.

А между тем ее сны и желание закурить учащались. Камиль не покидало ощущение, что порой она становится более импульсивной, более жесткой, более вспыльчивой, чем обычно. Теперь она обрела странную уверенность, что ее донор на самом деле женщина и что эта женщина была в опасности, прежде чем умереть наверняка насильственной смер-

тью.

А если она была похищена и найдена агонизирующей, убитой своим похитителем? Она могла скончаться по дороге в больницу... и там у нее изъяли органы для спасения других жизней.

Камиль сколько угодно могла не верить в это, но приходилось признать очевидное: больное сердце посылало ей сигналы. Как радио-бук терпящих бедствие посреди необъятного океана.

Оно взывало о помощи.

Вдруг молодая женщина почувствовала прилив энергии, разглядев ход, который еще не исследовала. Может, вместо прочесывания рубрики «Происшествия» стоит поискать среди исчезновений и похищений с трагическим концом в прошлом июле, как раз перед ее операцией по пересадке. Донора надо искать там, где ей никогда не приходило в голову: в уголовных делах, то есть среди того, что составляло ее будни.

В дверь постучали. Камиль тотчас же засунула журнал и коробку под кровать и выпрямилась:

– Иду!

Поспешно заскочила в ванную, глянула на себя в зеркало. Вид скверный, но что глаза заплаканы, не слишком заметно. Она быстро привела в порядок короткие темные волосы и сняла запачканную кровью майку на бретельках. При этом обнажился ее торс, весь иссеченный шрамами, словно она пробила сразу несколько окон.

Не хватало только, чтобы ее коллеги или начальство обнаружили эти незаживающие раны – ее тут же выперли бы со службы. В жандармерии неуравновешенные или психически нестабильные не нужны.

– Минутку!

Она покрепче затянула свои повязки, сунула неиспользованные марлевые компрессы в аптечку, рядом с упаковками циклоспорина, натянула футболку, форменную голубую рубашку, сунула ноги в сандалии и пошла открывать.

Это был лейтенант Борис Левак. Они расцеловались, она его впустила. У колосса взмокли спина и затылок.

– Мне сказали, что ты вернулась, – сказал он, пристально глядя ей прямо в глаза, словно пытаясь догадаться о состоянии ее здоровья.

– Как видишь.

– И ты вся в поту. Что-нибудь не в порядке?

– Ничего, просто немного тут прибирала. Не знаешь, когда они решатся поставить нам кондиционер?

– Когда найдут лучший на севере. Другими словами, не скоро.

Она предложила ему чаю. Борис устроился на диване, лицом к вентилятору, который крутился на полной скорости.

– Лучше чего-нибудь похолоднее. Как твои окончательные анализы?

– Ничего особо гадкого, – сказала Камиль из кухни, открытой в гостиную. – Результаты всего лишь подтвердили:

у меня был стресс.

– Только стресс или еще что-то? Ты ведь все-таки упала, почти потеряла сознание. Когда я пришел в больницу тебя проведать, ты, вообще-то, неважно выглядела.

– А чего ты хотел? Сердце в моей груди все еще ищет границы своих возможностей. Наверное, я перестаралась, делая вид, будто все в порядке. Вот съезжу в отпуск, полегчает.

Она стояла перед открытым холодильником, и вдруг ее взгляд затуманился. Камиль подумала о родителях, которым решила не сообщать грустную новость. Зачем? Они и так достаточно дали ей и немало вытерпели, подчиняя свое существование ритму жизни больного ребенка. Даже кредиты брали, только бы обеспечить дочери «сносное» существование. Сама она никогда не сможет сделать для них ничего подобного.

Наполнив два стакана фруктовым соком, она села рядом с сослуживцем. Когда опускалась на диван, порезы дернуло острой болью, но она и виду не подала – с раннего детства научилась скрывать свои эмоции. Не позволяла видеть ничего, кроме этого фасада – крепкой с виду девочки.

К Борису ластилась Веточка. Он ее погладил.

– Спасибо, что присматривал за ней, пока меня не было, – сказала Камиль. – Ты ведь уже брал ее на себя во время моего отпуска... Похоже, что я злоупотребляю, даже неловко.

– Никаких проблем. Мы с ней поладили, верно, Веточка?

– Кстати, о кошках... То дело с Кошачьей горой... есть

что-нибудь новое?

Борис наполовину опустошил свой стакан.

– Ты не поверишь. Там все здорово продвинулось. Во-первых, насчет жертвы. Нашего жмурика звали Арно Лебар, проживал в Байоле, рядом с психиатрической больницей. Балбес без определенных занятий. Безработный, наркоман, любитель подраться. Известен нашим службам: три года назад подпалил комиссионный магазин, после того как пытался украсть из него часть товара. Открыто дело. Согласно первым результатам смежного расследования, у него в последнее время с головой было не в порядке. Слишком много наркотиков и алкоголя.

– И наверняка безысходности. А что насчет убийцы?

Борис достал из кармана документ и протянул Камиль. Та удивилась:

– Следственное поручение? Так вы уже знаете, кто убийца?

– Почти.

– То есть как это – почти?

Борис подставил лицо под вентилятор:

– Эта жара уже достала. Мы все тут передохнем, если так будет продолжаться.

Он закрыл глаза, еще несколько секунд постоял под вентилятором, потом повернулся к Камиль.

– Фрагменты кожи под ногтями жертвы нашли своего хозяина. Точнее, хозяев. Такая вот странность. В лаборатории

сделали несколько анализов, но все сходится. Вердикт: там две разные ДНК. И одна из них числится в Национальной автоматической базе генетических отпечатков.

– Черт, двое нападавших... Под таким углом я это дело не рассматривала.

– Мы, честно говоря, тоже. Вероятно, один из убийц держал Лебара, а другой душил эспандером. Как бы там ни было, известная нам ДНК ведет к некоему Людовику Блие, который сидел в тюрьме за торговлю наркотиками. Вышел пять лет назад. Пока мы располагаем только его старым адресом. Если он не изменился, то Блие живет в новостройках в районе Южного Лилля.

Борис посмотрел на часы. Седьмой час. Он поморщился.

– Должен позвонить один парень из мэрии для подтверждения. Надеюсь, он не забыл.

– Можно, я буду присутствовать при обыске? Мне надо выйти отсюда, иначе я умом тронусь. Я никому не буду мешать, просто посмотрю, как работают профи. Хочу взглянуть на рожу этого Блие, когда он станет нам объяснять, как его кожа попала под ногти типу, убитому в сорока километрах от того места, где он живет.

Она улыбнулась. Борис кивнул:

– Без проблем, приживешься, как пересаженный орган.

– Кончай напоминать мне о пересадках и органах!

Лейтенант встал:

– Ладно, нам только надо, чтобы этот Блие указал своего

сообщника, того, чья ДНК неизвестна. Возьмем обоих, и дело с концом. Неплохая работа, а?

– Спасибо базе данных, – отозвалась Камиль. – Скоро даже задницу от стула отрывать не придется. Дела будут раскрываться сами собой.

Борис поставил стаканы в мойку и ополоснул их. Камиль надевала ботинки из гортекса, глядя, как он управляется.

– У тебя что, руки чешутся? – спросила она.

– Еще бы! У тебя сегодня все так аккуратно, просто супер. Блеск! Ты привычки поменяла?

– Еще скажи, раз уж ты здесь, что у меня вечный бардак. Что бы ребята подумали, если бы увидели, что ты моешь у меня посуду?

– Просто в этом году много муравьев развелось. Заметила? Оставишь немного просыпанного сахара перед уходом, а когда возвращаешься, они уже кишат.

– Я бы сказала, что это скорее рефлекс закоренелого холостяка. Слушай, а когда ты уже приведешь к нам в казарму красивую молодую женщину?

Он выключил вентилятор. Его щеки покраснели. Борис терпеть не мог, когда с ним говорили о женщинах, ему становилось неловко, но Камиль нравилось его поддразнивать.

– Когда у меня появится лишнее время, – откликнулся он сухо.

Они вышли из казармы и пересекли парк. Словно в отместку Борис шагал быстро, но Камиль выдерживала темп.

– Хочу попросить тебя об услуге, – сказала она, переводя дух.

– Какого рода?

– Завтра я хотела бы получить доступ к картотеке пропавших людей. А еще к спискам тех, у кого были прошлые судимости. Но если запросишь ты – все-таки это будет не так подозрительно, как если я сама туда сунусь.

– Завтра пятнадцатое августа,² Камиль.

– Вот именно, будет затишье, и мне никто не помешает.

– А зачем тебе это нужно?

– Не спрашивай, просто поверь мне, ладно? Я твоим доверием не злоупотреблю.

Борис замедлил шаг и ответил смущенно:

– Знаешь, там все довольно строго.

– Да, знаю. Поэтому по твоему запросу будет не так заметно. Ты офицер, а я всего лишь техник...

– Ладно... Но ты мне когда-нибудь объяснишь?

Камиль кивнула. Да, когда-нибудь, подумала она с горечью.

Они присоединились к команде из трех жандармов, терпеливо ожидавших за оградой. Как и перед каждой операцией, люди Бориса были возбуждены. Камиль дружески поздоровалась со всеми. Новости тут распространялись быстро. Слух о том, что ей стало плохо на месте преступления,

² Праздник Успения Богородицы; во Франции является вторым по значимости национальным праздником после Рождества и выходным днем.

уже облетел всю казарму.

Они разместились в двух служебных машинах. Включив кондиционер на полную мощность, Борис возглавил кортеж и выехал на объездную лилльскую дорогу. Камиль молча глядела в пустоту, сложив руки на животе. Ей было страшно. Когда же она рухнет с окаменевшим сердцем в груди? Когда с ней будет покончено? В сентябре? Октябре? Она невольно вспомнила старый бельгийский анекдот: «Мсье, вы тяжело больны, вам осталось жить два месяца». А больной отвечает: «В таком случае выбираю июль и август».

Она догадывалась, что Борис исподтишка поглядывает на нее; может, он что-нибудь и заподозрил, но ничего не говорит. Она ценила своего коллегу за то, что он никогда ни к чему ее не принуждал и не позволял себе приставать к ней. Хотя он в любом случае не умел приставать к женщинам. Камиль даже недоумевала порой: а была ли у него вообще хоть одна?

От этих мыслей ее отвлек телефонный звонок. Борис ответил. Камиль поняла, что ему звонит тот тип из мэрии, и увидела изумление на лице коллеги.

– Вы уверены? – спросил он отрывисто, выезжая на ответвление в сторону Южного Лилля.

Разговор продолжился еще несколько секунд, и в конце концов Борис положил трубку.

– Произошел чудовищный сбой.

– Что именно?

– Секунду.

Борис торопливо набрал номер. На сей раз Камиль поняла, что он звонит в лабораторию, делавшую анализ ДНК. Закончив разговор, он вцепился в руль обеими руками.

– Поворачиваем и возвращаемся домой.

– Как это? Почему?

– Под ногтями жертвы была найдена точно ДНК Блие, смешанная с другой, неизвестной нам ДНК. В лаборатории и в базе данных на этот счет высказались определенно.

– Так в чем проблема?

– В самом Блие. Когда парень из мэрии сейчас позвонил мне, перед ним лежало свидетельство о смерти. Блие умер семь месяцев назад. Его нашли повешенным в собственной квартире.

Он помолчал, потом добавил:

– Ты когда-нибудь видела, чтобы преступление совершил покойник?

Солнце начинало свой томный спуск за лес Лэг. Оно казалось тяжелее, чем обычно, и его контуры стали уже не такими четкими, словно оплавилась в собственных лучах. Одурачивающая духота, достойная луизианских болот, угнетающе действовала на организмы сыщиков, которые провели всю вторую половину дня, прочесывая коммуны Сен-Леже пешком и на машине, чтобы собрать свидетельства или доставить к дому свое оборудование.

Слух об этой необычной суете вскоре дошел до ушей журналистов. Местные корреспонденты искали хоть какую-нибудь поживу для своих статей, следуя за полицейскими, словно голодные стервятники. Уже поговаривали о слепой девушке, заточенной в одной из штолен заброшенной каменоломни каким-то жаждавшим крови психопатом.

Шарко ждал в саду, чтобы эксперты-криминалисты позволили ему наконец войти в дом. Он прислонил обе картины изображением к стене, и, воспользовавшись вынужденной передышкой, позвонил Люси и объявил ей, что вернется не скоро. Та немедленно ответила: «Гениально, значит, дело серьезное. Все мне расскажешь».

Ну да, гениально, вздохнул Шарко, вытирая взмокший лоб.

Николя Белланже возвращался из глубины сада с телефо-

ном в руке, лавируя между разбитыми черепицами. Он кивнул на картины:

– Хочешь у себя в квартире декор обновить? Они нам очень скоро понадобятся для экспертизы.

– Не беспокойся, завтра утром сам доставлю в лабораторию. Надеюсь, эксперты-криминалисты пятнадцатого августа работают?

– Да, но будут работать с прохладцей, как и везде.

Шарко сжевал сандвич, купленный в ближайшей булочной, и выдул большую бутылку воды. В своей пропотевшей одежде он чувствовал себя грязным, липким и, чтобы скоротать время, чистил мокасины, пока не израсходовал все бумажные носовые платки. Зато обувь снова заблестела.

Почти в восемь часов вечера термометр все еще показывал +29 °С. Повсюду сновали туда-сюда техники-криминалисты в костюмах белых кроликов, обливаясь потом и утирая взмокшие лбы. Офицеры судебной полиции из группы Белланже уже закончили первый рабочий день предварительного расследования и разъехались по домам.

– Ну, какие новости? – спросил Франк.

Николя Белланже порылся в карманах, скомкал пустую пачку из-под антитабачных пластырей и закурил сигарету. Его бежевый пиджак помялся, а рубашка вылезла из брюк. Он никогда не носил галстука, в отличие от Шарко, но часто был одет элегантно и довольно модно. Однако его можно было увидеть и в джинсах с рубашкой поло, хотя это случа-

лось не так часто.

– Новости? Есть хорошие и плохие. В больнице наша наполовину слепая жертва совершенно застыла и ушла в себя. По словам психиатра, это что-то вроде кататонического синдрома. Короче, пока она не готова рассказать нам, что с ней произошло.

– Вот облом.

Не вынимая сигарету изо рта, шеф группы достал свой блокнот и принялся листать его.

– Не стоит ждать, что она нам вывалит все чохом... Ладно, послушай вот это. Медики, которые ее осмотрели, утверждают, что у нее на затылке довольно грубая татуировка. Наколото черными чернилами, цифры и буквы: «В-02.03–07.08-09. 11–04.19». Сомневаюсь, чтобы надпись сделали по ее просьбе, но пока понятия не имею, что это может значить.

– Черт, а я-то понадеялся.

– Давай, давай, смейся. Врачи тоже не понимают ее смысла.

– Тут наверняка нет ничего медицинского. Если бы не «В», можно было бы подумать, что это тираж лото.

– Как бы то ни было, они думают, что для начала ее побрили с ног до головы. Они судят по длине волос, везде одинаковых, и по другим признакам. Голова, руки, ноги, лобок – все было побрито...

Шарко так задыхался, что ему было трудно сосредоточиться. Он мечтал о том моменте, когда примет холодный

душ, а потом уляжется вместе со своими сыновьями и будет глядеть, как кружит по комнате игрушечный паровозик «Ку-колка». Миниатюрные поезда масштабом 1:87 и дети так его успокаивали...

Пытаясь вновь обрести равновесие, он попросил у Белланже блокнот и еще раз просмотрел ряд наколотых цифр. На его взгляд, эта надпись была всего лишь бессмысленной галиматьей и могла оказаться чем угодно, как координатами галактики, так и ссылкой на главы Библии. Очевидно, его мозг тоже перегрелся.

– Известно, кто она?

– Нет. И никто никогда ее тут не видел. Что касается Оливье Макаре, то его не существует в природе. Фальшивое имя...

– В этом можно было не сомневаться. Мы имеем дело с осторожным типом. Ну кто еще будет держать в каменоломне запас консервов на целый год? Ему нравится все контролировать, ничего не оставлять на волю случая. Он орудовал у всех под самым носом. Может, в деревне кто-то что-то и заметил, но такого еще надо будет отыскать.

– К тому же прошло время, это работает против нас. В доме с тех пор успели пожить родственники владельца, раньше он был грязным, а теперь мыт-перемыт. Мы там не найдем ничего интересного, ни отпечатков пальцев, ни следов ДНК, я почти уверен. С подземельем маленькая надежда все-таки есть. Может, там отыщутся отпечатки на консервных бан-

ках, на ванне. Не знаю... У меня впечатление, что этот тип – призрак. Я попросил владельца дома прийти на Набережную для составления фоторобота, но он меня уже предупредил, что не очень-то его помнит. По его словам, Макарё всегда надевал темные очки и бейсболку, как только высовывал нос наружу. Что касается его машины, то она была самая обыкновенная. И разумеется, никто не потрудился запомнить ее номер.

Шарко посмотрел на бункер:

– А там есть что-нибудь новенькое?

– Интересная штука с камерой, установленной под землей. За хламом в бункере нашли усилитель Wi-Fi. Должно быть, он был нужен для того, чтобы передавать изображение на компьютер нашего Макарё. Но поскольку владелец после смерти отца обрезал телефонную линию, то Макарё пиратски подключился к линии соседей... Вот смотри.

Белланже показал Шарко сети Wi-Fi, уловленные его мобильным телефоном. Их было две. Заодно показал на два соседних дома метрах в двадцати – один справа, другой слева.

– Подключиться к Wi-Fi относительно легко, если доступ плохо защищен. Оба сигнала наверняка идут из этих домов.

– Значит, мы сможем отследить его выходы в Сеть, узнать, какие сайты он посещал.

– Скорее, то, что он передавал с помощью своего компьютера и этой камеры и, возможно, кому. При условии, что владельцы Wi-Fi разрешат нам обратиться с запросом к промоу-

терам. Частная жизнь пользователей Интернета слишком уж защищена, просто беда...

Он кивнул в сторону бункера.

– Там внизу ничего, кроме нескольких пятен крови, обнаруженных с помощью «Блюстара», и темных волос на матрасе. С виду, спермы нет... Мы взяли пробы, сфотографировали, но почти ничего другого сделать не удалось. Площадь слишком большая, и мы не уверены, что команды приедут послезавтра. Поглядим, а пока я предпочитаю, чтобы они сосредоточились на том, что у нас есть. В любом случае лаборатории завалены запросами, а у нас деньги кончились. Судья и дивизионный комиссар опять будут меня изводить этими историями о бюджете, если понимаешь, что я хочу сказать.

Шарко чувствовал, что у его шефа вот-вот сдадут нервы. А тот погасил сигарету о землю и теперь держал ее в руке. Потом раздраженно посмотрел на часы.

– Вот черт, уже... Мне пора возвращаться на Набережную. Похоже, я уже знаю, где проведу праздник.

– Тебе надо как-то расслабиться. Чувствуется, что ты... на пределе. Совсем вымотался.

– Обойдется.

– Это «обойдется» могло бы стать твоим девизом. Ну да, оно и обходится, пока не врежешься мордой в асфальт. Ты еще молодой, но не сжигай разом все свои антистрессовые предохранители. Запас, знаешь ли, ограничен.

Белланже раздраженно провел рукой по своим черным во-

лосам. Шарко всегда думал, что для полицейского его шеф чертовски хорош собой. И что для некоторых это наверняка было настоящей катастрофой.

– Ну, не знаю... Думаешь, не стоит так упираться? Попозже что-нибудь решу насчет отпуска, а пока не к спеху.

– Да нет, очень даже к спеху, малыш. Когда трос обрывается, якорь тонет.

На этом замечании Белланже не стал заикливаться. Он ценил Шарко отнюдь не за его банальные нравоучения.

– Ты к себе?

Шарко кивнул на дом:

– Останусь тут еще ненадолго.

– Собираешься устроить себе маленькую встряску, да? Сеанс интеллектуального онанизма? Уляжешься на койке этого психа и будешь ждать, чтобы он рассказал тебе свою историю?

– Ты же знаешь, я обожаю, когда они нашептывают мне на ухо свои секреты. Хозяин дома сказал, что у его постельца по ночам на втором этаже горел свет. Не думаю, что наш мучитель смотрел там очередную серию «Инспектора Деррика».

Белланже помолчал.

– Ладно, только поосторожнее с этими странноватыми картинами. Ты вроде сказал, что сам завтра их привезешь?

Шарко согласился:

– Я могу, конечно, поработать часть дня, но... Я обещал

Люси провести время с ней и боюсь, что она...

– Не беспокойся, я все улажу, а с процедурами мне Робийяр поможет. Мы все равно задержимся из-за того, что часть народа в отпусках. Пока дорожный каток разгонится, пройдет какое-то время. – Николая Белланже глубоко вздохнул. – Как-то все это слишком мрачно.

– Слушай, Николая... – Шарко поколебался. – Если это дело окажется слишком сложным, слишком... заковыристым, что ли... я, быть может, уйду в кусты.

– Ты вечно так говоришь. Вечером уходишь с работы, а завтра тебя уже обнаруживают где-нибудь в российской глуши с пушкой в руке.

– На этот раз все серьезнее. Потому что я знаю: Люси наверняка захочет так или иначе сунуть сюда свой нос и начнет изводить меня расспросами, как только я вернусь. А я бы хотел, чтобы она как следует воспользовалась остатком отпуска: у нас близнецы на руках, квартира, которую мы продаем, дом, который покупаем, – не многовато ли всего?

– А еще твоя странная дрожь в руках. Я сам видел недавно, когда мы дом осматривали...

– Просто устал.

– Мы ведь все устали, верно?

– А ты попробуй растить сразу двух грудных младенцев в пятьдесят лет. Ты мои ручищи видел? Они же в два раза больше, чем их бутылочки!

– Тогда я с этим еще малость подожду, с твоего позволе-

ния. Я, вообще-то, не слишком тороплюсь – ни дожить до пятидесяти, ни детьми обзавестись.

– Так и должно быть. Тебе сколько? Тридцать пять? Знаешь, это быстро проходит.

– Ты прав. У меня порой впечатление, что я уже умер.

Они дружески распрощались.

Шарко подождал еще час, пока не закончат техники-криминалисты. Расхаживал взад-вперед, сунув руки в карманы. И размышлял. В каком-то смысле это дело его возбуждало. Но с другой стороны, у него дети, жена... Он посмотрел на фото улыбающейся Люси с бутылочками в руках. Его маленькая Лара Крофт. Она была квинтэссенцией его счастья. Раньше он бросился бы в расследование очертя голову, провел бы, как Николя, и эту ночь, и завтрашний праздничный день на набережной Орфевр, пока в конце концов не свалился бы с ног от усталости.

Потому что раньше его домом была работа.

Но теперь...

В девять часов вечера три совершенно обессиленных человека в белых комбинезонах со своими чемоданчиками и прочим оборудованием наконец вышли из дома. Можно было подумать, что они приняли душ одетыми. Их одежда прилипала к телу, словно гидрокостюмы. Они проверили каждый закоулок «Блюстаром» и ультрафиолетом, но ничего не нашли; собрали десятки отпечатков и несколько волос в сточном отверстии умывальника в ванной. Но насчет их происхождения были настроены скептически, потому что тут жил не только Макарё и с тех пор раковиной неоднократно пользовались, мыли ее и чистили. А быть может, прежде чем исчезнуть, этот Макарё и сам все тут продезинфицировал с помощью жавелевой воды – что вполне правдоподобно для сверхпедантичного типа. Шарко встречал столько психов за годы службы, что в конечном счете ничему не удивлялся.

Он вошел в пустой дом с картинами под мышкой и поднялся на второй этаж. Лестница была далеко не новой и скрипела. Заглянул наверху в маленькую ванную, чистую и аккуратную, если не замечать пыли. Никакого окна и даже вентиляционной решетки. Было тихо. Он осмотрел зеркало и душ, потом направился к единственной комнате, посреди которой прямо на полу лежала высокая кроватная сетка с матрасом. На потолке виднелось огромное сырое пятно – ви-

димом, последствие бури. Обоим были старые, грязные, местами более светлые: именно там и висели картины. В стене еще оставались маленькие гвоздики.

Шарко взял картины и повесил их на те места, которые, как ему казалось, они раньше занимали, – на двух стенах, под прямым углом друг к другу. Одна оказалась напротив кровати, другая слева от нее.

Затем он отступил на два шага и встал в самом центре комнаты.

На первой репродукции была изображена группа из семерых бородатых и усатых мужчин в белых брыжах и темных одеяниях, окружавших труп на столе. Восьмой вскрывал хирургическим инструментом его правую руку. Общий фон картины был темным; беловатый свет, падавший на мертвеца, подчеркивал холодное любопытство участников. Но на их строгих лицах читался также интерес к зрелищу и таинству смерти. Очевидно, это была лекция по анатомии.

Шарко повернулся к другой стене. Вторая репродукция тоже демонстрировала вскрытие, но на сей раз черепа трупа. Некий человек с нейтральными чертами лица наблюдал за ним, проявляя сдержанный интерес. В руке он держал похожую на чашу крышку черепа, наверняка для того, чтобы собирать в нее извлеченную хирургом органику. Широко открытый живот уже был очищен от внутренностей. Лицо хирурга, добравшегося до мозга, осталось за верхней кромкой полотна, его не было видно. Искромсанное тело выглядело

как живое, черные глаза покойника были полны ужаса и обращены немного влево.

Франк рассматривал обе картины спокойно и тщательно. Он не очень-то разбирался в живописи, но в манере письма, в красках, а главное, в костюмах было много общего. Картины казались близкими по времени. Может, произведения одного живописца? Во всяком случае, лейтенант решил, что перед его глазами запечатленные художником первые шаги современной медицины, изучение человеческого тела. Оригинальные полотна, с которых были сделаны репродукции, относились, возможно, к Средним векам или к эпохе Возрождения.

Что же интересовало изверга в этих ужасных сценах вскрытия?

Шарко вспомнил послание, высеченное на стене подземелья:

Мы те, кого вы не видите, ибо не умеете видеть. Мы забираем, не возвращая, жизнь, Смерть. Без жалости.

Очевидно, между смертью и этими картинами существо-

вала какая-то крепкая связь. Она словно была фонтаном из этих образов, давила всей своей тяжестью на плечи зрителей. Шарко почти ощущал ее ледяное дыхание.

Может, смерть, мертвечина чем-то зачаровывали мучителя молодой женщины? Или смерть близко его коснулась? Задела? Или он соприкасался с ней каждый день? И если можно было забрать жизнь, то что означало «забрать Смерть»?

Франк подошел к окну. Трухлявая деревянная рама разваливалась на куски. По стенам начинала распространяться плесень. Прямо напротив окна, в глубине сада, виднелся бункер. Полицейский стоял в задумчивости. Палач смылся отсюда уже довольно давно, но почему он перед уходом не убил девушку? И зачем похитил ее?

Ради выкупа? Из садизма? Чтобы сделать своей сексуальной игрушкой?

Лейтенант закрыл ставни и дверь, выходящую на лестничную площадку, комната погрузилась в полумрак. Сел на кровать и замер. Несмотря на жару, ему вдруг стало очень холодно. Узкое низкое ложе в окружении жутковатых полотен, запущенная комната, мертвящая атмосфера, которая, казалось, пропитывала каждый кирпич этих гниющих стен...

Настала полнейшая тишина. Шарко слышал только стук своего сердца. Макарё, или кто он там был на самом деле, спал именно на этом месте. И, как гласил принцип Локара – знаменитого основателя в 1910 году в Лионе первой

криминалистической лаборатории, – он неизбежно оставил в этих четырех стенах некую часть самого себя. Свои призраки, свои фантазмы, свое безумие. Здесь, прямо над ним, витал его образ. У Франка было довольно умения читать знаки.

Ты не живешь в этом доме, но приходишь сюда иногда по ночам. У тебя непременно есть другое жилье, место, где ты ведешь себя как любой обычный гражданин. Может, у тебя даже жена есть, которую ты целуешь каждое утро, дети...

...Хотя нет. Нет у тебя никакой жены... Ты оплачивал здешние расходы в течение года с лишним, она бы неизбежно заметила это в счетах, верно? Дыра в сотни евро в семейном бюджете – такое ведь бросается в глаза. Разве что у тебя много денег...

...Думаю, ты всем кажешься вполне нормальным членом общества, потому-то в деревне никто ничего не заподозрил. Но ты испытываешь потребность запирается в этой крохотной камере, в окружении этих гнусных картин. И хорошо чувствуешь себя в этом коконе, где не спишь допоздна. Чувствуешь себя свободным.

Шарко лег и, положив руки под голову, стал рассматривать потолок, прислушиваться. Ни звука.

Бедная девушка заперта всего в нескольких метрах от тебя, под землей. Сидит на цепи. Ей холодно, страшно, и это тебя смешит, говнюк. Да, смешит, а может, ты от этого даже кончаешь, а? Расскажи-ка мне, почему тебя заводит ее отчаяние. Ведь благодаря камере ты наблюдаешь за ней на экране

своего ноутбука. И что – дронишь? Чего ты ждешь от нее? Зачем держишь ее пленницей в этой штольне?

Шарко глубоко дышал, убрав руки из-под головы и вытянув вдоль тела.

Ты побрил ее, сделал татуировку... Татуировку делают животным, это знак обладания. Ты лишил ее прежней личности, так, что ли? Чтобы она стала только твоей? Чтобы родилась заново? Чтобы отмыть ее от зла, которое она совершила? Ты хочешь, чтобы она была чистой, для того и поместил там ванну и оставил большое количество молочка для очистки тела. Нежная кожа... Гигиена для тебя важна. Как и для этих анатомов, вскрывающих тела... Ты сравниваешь себя с ними? Они тебя восхищают? Пытаешься им подражать?

Шарко повернулся к картинам. В потемках угадывались холодные лица, глаза выдавали научное любопытство, смешанное с чем-то вроде вуайеризма. Да, да, это подглядывающие, пришедшие исследовать запретное, пофлиртовать с Костлявой. Что искали эти люди в лоснящихся внутренностях мертвеца? Какие ответы на какие вопросы?

Франк присмотрелся к выражению лиц, перебрал их одно за другим и остановился на том, что было изображено на первом полотне с многими участниками. Впечатление было такое, что человек смотрит куда-то на пол, то есть за передний план картины. словно его глаза были устремлены прямо под матрас, на котором лежал Шарко.

Вторая картина висела таким образом, что лицо участни-

ка, державшего крышку черепа, было направлено туда же.

Поразительно. Невероятно. Франк встал, ощутив укол любопытства. Оптический эффект был потрясающим. Он встал и нажал кнопку выключателя. Голая лампочка залила камеру белым светом, почти резавшим глаза.

Да ты, похоже, игрок... Прячешь что-то и сам же мне показываешь. А все потому, что ты уверен, что мы не умеем видеть, как ты сам заявил в послании, оставленном в подземелье. Ты ведь считаешь себя высшим существом, а нас держишь за дураков.

Внезапно его сердце забилось чаще. Он приподнял матрас, сетку, оттолкнул все это в сторону. Снова взглянул на застывшие лица. Потом опустился на колени и стал простукивать плинтус вдоль стены, изучать одну за другой половинцы, пытался найти зазор, пошевелить их.

И вдруг ему удалось зацепить одну возле стены, а потом и снять ее. Под ней оказалась полость сантиметров двадцать глубиной. Франк просунул туда руку, пошарил и вынул закрытую картонную коробку, покрытую слоем пыли.

Бинго!

Он выпрямился и тихонько ее встряхнул. Потом положил на кровать.

Шарко провел языком по пересохшим губам. Он не спешил. Этот момент принадлежал ему. Редкое мгновение, когда он совпал по фазе с тем, на кого охотился.

Когда тот начал рассказывать ему свою историю.

Он осторожно поднял крышку.

Внутри лежало несколько прозрачных пластиковых пакетов. В одном пачка фотографий. Во втором бумажник. В третьем блокнот и цифровой диктофон. А в четвертом... Шарко сощурился: свернутые в трубку листы бумаги формата А4, прядь черных волос и обрезки ногтей. Весь этот кератиновый мусор был ему отвратителен. А главное, зачем его хранить? Фетиши? Или, быть может, трофеи, потребность оставить себе что-то от своих жертв на память?

Лейтенант надел резиновые перчатки, которые нарочно оставил в кармане пиджака, и открыл пакет с бумажником. Он был из грубой светлой кожи и сшит вручную. Шарко открыл его и, непроизвольно вскрикнув, выронил из рук.

На пол посыпались человеческие зубы. Целая дюжина лежала в бумажнике, словно монетки.

Да что же ты за извращенец такой?

При виде этих человеческих останков ему в душу закралось ужасное подозрение. Он подобрал бумажник, внимательно его осмотрел, понюхал. Неужели это...

Ведите себя так, будто оно этим не является!

Он с отвращением засунул его обратно и кончиками пальцев, гораздо менее уверенным жестом, развернул три листа, находившиеся в другом пакете. Это были черно-белые рисунки, изображавшие омерзительных чудовищ за тюремными решетками, какие-то гнусные хари, расколотые, словно зеркала, зловещие тени с длинными окровавленными ножа-

ми в тех же в застенках.

Повсюду смерть, кровь, страдание и заточение.

Произведения сумасшедшего, подумал Шарко. Может, этот псих сидел в тюрьме, тем и объясняется присутствие решеток? Еще один вероятный след...

Каждый рисунок был очень мелко подписан внизу двумя инициалами: ПФ. Они же вышли из-под его руки, и он ими наверняка гордился, потому, не удержавшись, и засвидетельствовал свое авторство. Шарко задумался, легко ли будет прошерстить всех ПФ, сидевших в тюрьме, и, размышляя дальше, сам же себе ответил: да, ведь он располагает ДНК этого ПФ – прядью его волос и обрезками ногтей. Достаточно пропустить эти данные через Национальную автоматическую базу генетических отпечатков, поскольку все заключенные туда внесены.

Он с предосторожностями свернул рисунки и положил их на место. Если на этих листках есть отпечатки пальцев, эксперты в лаборатории способны их найти. Ничем нельзя пренебрегать. Нюх сыщика – это хорошо. Но иногда компьютеры лучше.

Шарко становилось не по себе, он чувствовал полное опустошение. Слишком много ужасов и волнений для одного дня. А тут еще эта комната и эти взгляды со стен, давившие на него, как наковальни, словно в них запечатлелось само Зло. И этот бумажник с его зловещим содержимым...

Он широко распахнул ставни. В комнату без спроса про-

никли оранжевые тона прекрасного заката. От естественного света ему стало лучше.

Его заинтересовал небольшой блокнот. На обложке было написано убористым почерком: «По ту сторону Стикса Ты указал мне путь».

Примерно полсотни страниц. Шарко быстро их пролистал. Десяток из них этот Макарё сплошь изрисовал множеством знаков, точно таких же, как и тот, что был вырезан на стене штольни: три концентрических круга, словно вложенных один в другой. Их тут были сотни и сотни, нарисованные с крайней тщательностью.

Затем Шарко раскрыл пакет с фотографиями и высыпал их на матрас.

И зажал себе рот рукой.

Перед его глазами распахнулись врата ада.

– Ну, как день прошел? Ты мне расскажешь или решил помалкивать?

Шарко сидел перед тарелкой макарон. Смотрел на кусок мяса, насаженный на вилку, и в конце концов отложил его. Есть совершенно не хотелось.

На сегодняшний день с него крови хватит.

Он встал и без единого слова направился в холл. Люси не двинулась с места. Да что с ним такое? Вернувшись домой, он почти не говорил, вел себя странно. Почему положил ключи от машины в ящик стола и закрыл, хотя обычно оставляет их на консоли в прихожей? Станный жест, который не ускользнул от Люси.

Муж что-то от нее скрывал.

Шарко зашел проведать близнецов и склонился над их крошечными кроватками. Нынче вечером ему никак не удалось улыбнуться. Его лицо оставалось замкнутым. Согласен ли он, чтобы они росли в таком жестоком мире? Как защитить их от этой бушующей волны ненависти, которая пытается их поглотить, с каждым разом подбираясь все ближе?

Ему захотелось ощутить их тепло, и он прикоснулся кончиками пальцев к щечкам, лобикам, крошечным вздернутым носикам малышей.

Таких чистых.

Потом он отправился в спальню. Там достал из-под кровати широкую доску. Его паровозик бегал по простому кольцу рельсов «Роко», с туннелем и вокзалом. Шарко еще прежде наполнил резервуар бутаном и залил в тендер воду и масло. Он называл свою игрушку «Куколкой».

Машинка заработала.

Проснулись шатуны и поршни, словно и не спали вовсе. Маленький паровозик запыхтел, выпустил облачко пара и покатился по рельсам с приятным посвистыванием. Шарко смотрел, как он кружит, а сам механически намазывал черным кремом свои мокасины «Берил». Сегодня вечером у него слишком тяжелая голова, чтобы размышлять о чем бы то ни было.

По дороге домой он прослушал запись на диктофоне, найденном под полом каморки. Жуть. В чистом виде. Ему не удавалось выкинуть из головы слова, прозвучавшие из динамика.

Он никогда не слышал ничего подобного.

Сзади подошла Люси и села по-турецки рядом. Провела рукой по его шее:

– В чем дело, Франк? Что привело тебя в такое состояние? «Куколка» опять выпустила маленькое облачко белого пара, нагруженного его воспоминаниями. Иногда эти кусочки прошлого были приятными, а иногда не очень. Сегодня вечером лейтенант думал о своей прежней семье, которой лишился уже так давно... О жене и маленькой дочери, погиб-

ших при трагических обстоятельствах. И все из-за них.

Всегда из-за них.

Из-за подонков вроде Макарё.

Ему было так плохо, что даже в груди заболело.

– Все в порядке, – солгал он. – Просто день выдался тяжелый.

Пальцы Люси ожили. Она помассировала ему напряженный затылок. Франк отложил ботинки и закрыл глаза в ожидании облегчения, которое все не приходило.

– Предполагаю, что это из-за твоего нового дела. Расскажи мне.

Шарко вздохнул:

– Не сегодня, Люси. Я не хочу, чтобы ты совала туда свой нос. Тебе стоит держаться от него подальше.

– Это так ужасно?

Шарко не ответил. Значит, все еще хуже, чем она могла себе вообразить.

– Всего лишь дело, которое свалилось на меня накануне пятнадцатого августа... – Он посмотрел ей в глаза. – Но оно не отменяет наш завтрашний пикник и блинчики, которыми мы собираемся полакомиться.

Люси не нравился этот взгляд. Одновременно ускользающий и властный.

– Всего лишь дело? Ты, кажется, сегодня утром говорил о какой-то девушке, найденной под корнями дерева...

– Ну и что?

– Ах да, я совсем забыла, девушек под корнями деревьев находят каждый божий день. Ты вернулся поздно, немой как рыба, ничего не ешь, хотя обычно на аппетит не жалуешься. Так что нет, это уж никак не всего лишь дело, которое свалилось на тебя не вовремя. Тут есть еще что-то. Давай выкладывай...

В висках у Шарко стучало. Оголенные нервы больше не выдерживали. Он распрямил свое большое тело и встал:

– Я же сказал – брось. Ладно? Избавь меня от своих вопросов, меня это добивает. И перестань поминутно забрасывать меня эсэмэсками, расспрашивая про то да про се. Ты сейчас в декретном отпуске. Знаешь, что это такое? Материнство, материнские дела. А это дело конфиденциальное, тебе вообще незачем о нем знать, понятно?

Люси была ошарашена. Холодно посмотрела на него:

– Это отвратительно.

– Что отвратительно? То, что я хочу убереечь вас троих? Помешать мерзости этого дела проникнуть в нашу семью, изгадить наш дом? Пытаюсь подручными средствами вас защитить от гнусностей, которые творятся снаружи?

Люси пожала плечами:

– Я уже не первый месяц заперта здесь, весь день разогреваю бутылочки, кормлю и меняю подгузники. Мне нужно передохнуть, глотнуть хоть немного воздуха, узнать, что происходит снаружи. Я слишком много прошу?

– Снаружи происходит кое-что похуже убийств. А дышать

можно не только кровью и дерьмом.

Рассердившись, она взяла свою подушку с постели.

– Спи спокойно, Шарко. И можешь не вставать из-за малышей, сегодня ночью я сама этим займусь. В конце концов, это ведь моя работа как хорошей домохозяйки.

И она вышла, хлопнув дверью.

Через несколько мгновений заорал один из близнецов.

Разумеется, братец тотчас же его поддержал.

Среда, 15 августа

Наконец к половине второго в квартире напротив парка Розрэ все заснули.

Все, кроме Люси.

Ее так и подмывало выяснить, в чем дело. Понять, что могло привести ее мужа в такое состояние. В последний раз она видела, как он так же изводил себя, больше года назад, когда они оба блуждали по чернобыльским дорогам.³

Стараясь не шуметь, она взяла ключи от машины, которые Шарко засунул вглубь ящика. Если он до такой степени изменил своим привычкам, даже не сознавая этого, то лишь по одной причине: очевидно, что-то скрывал.

Она спустилась на подземную парковку, куда можно было попасть только с помощью ключей из связки. Включив свет, двинулась вперед по блестящему бетону, одна в этом мрачноватом месте, где спали десятки машин. Люси всегда недоумевала, почему подземные парковки не делают более веселыми, разноцветными, что ли. Сейчас своими давящими потолками и разметкой мест это помещение напоминало ей морг.

³ См. «Атомка».

Через минуту она уже стояла напротив открытого багажника «Рено-25», принадлежавшего ее мужу. Их семейная машина осталась на уличной стоянке. Очень в духе Шарко: предпочитает ставить в безопасное место свою развалюху, а не их новую машину, напичканную электроникой.

Она заметила в глубине развернутый чехол и потянула его на себя. Под ним обнаружилась пыльная обувная коробка и пара резиновых перчаток.

Что ты тут прячешь, Франк?

Люси придвинула коробку и осторожно приподняла крышку. Заметив закрытые пластиковые пакеты с их содержимым – ногтями, волосами... она сразу поняла, что это улики. И что, следовательно, ни в коем случае нельзя оставлять на них биологические следы. Поэтому она натянула резиновые перчатки и поднялась наверх со своей добычей.

Устроившись на диване, она поставила настольную лампу на пол, чтобы приглушить свет, потом, проверив, что Франк заснул, принялась исследовать содержимое коробки. Сначала ее заинтересовали фотографии. Она вынула их из пакета и разложила перед собой.

Фотографий было двадцать четыре, но Люси заметила, что на каждых двух снимках изображен один человек.

Двенадцать женщин, снятых спереди и сзади.

Двенадцать испуганных лиц. Умоляющие глаза, бритые головы с татуировками, искаженные ужасом черты.

Вокруг темнота. На заднем плане глухая скала.

Люси снова вспомнила о причине утреннего выезда Шарко. Он тогда сказал о найденной под деревом женщине. Неужели обнаружены и одиннадцать остальных? И если да, то в каком состоянии?

Она уже представила себе масштаб дела. Опять ничего классического. Она злилась, что не знает об этом больше, и продолжала рассматривать фото. Все женщины были одного типа. Смуглые, лет двадцати, похожи на цыганок из Восточной или Западной Европы. Это что, было критерием отбора для похитителя? Почему именно эти женщины? И что за странные татуировки у них на головах? В чем их смысл?

У всех женщин на затылках было наколото какое-то непонятное послание. Одна или две буквы (А и/или В), потом странный ряд цифр, например: 05.11–07.08–10.13–01.03. Люси подумала, что они, может быть, обозначают время и даты, но с некоторыми татуировками это не срабатывало. И что за буквы впереди?

Затем она внимательно изучила довольно жуткие рисунки, а потом открыла бумажник.

Шок.

Люси зажала себе рот ладонью, глубоко задышала, метнулась в кухню и выпила полный стакан воды. Потом застыла там на несколько секунд, опустив руки в раковину и уставившись в ночь за оконным стеклом.

Теперь она лучше понимала молчание своего мужа. Наверное, они нашли этот бумажник и другие предметы рядом

с жертвами.

Однако надо было продолжать. Она попыталась снова сосредоточиться. Взяв бумажник кончиками пальцев в перчатках, положила его на прежнее место и занялась блокнотом.

«По ту сторону Стикса Ты указал мне путь», – прочитала Люси шепотом, рассматривая его обложку. Она знала, что в древнегреческой мифологии Стикс – это река, отделявшая земной мир от Преисподней. Какой же смысл владелец блокнота вложил в эти слова? Кто этот «Ты», доставивший его на другой берег реки мертвых и, стало быть, сыгравший при нем роль Харона, перевозчика в иной мир?

Двенадцать листков блокнота были сплошь изрисованы множеством одинаковых знаков, состоявших из трех концентрических, словно вложенных один в другой кругов.

Дюжина листков, дюжина девушек. Может, тут есть какая-то связь?

Люси посмотрела на часы. Время шло, через час проснутся дети. Надо, чтобы к этому моменту коробка со всем содержимым вернулась в багажник машины. Однако прежде, чем прослушать запись на диктофоне, Люси Энебель решила сохранить уже просмотренное.

Она встала и направилась к компьютеру в углу гостиной. Включив его и сканер, отсканировала двадцать четыре фотографии, сгруппировав парами, чтобы выиграть время, потом рисунки, потом страницы блокнота, одну за другой, всякий раз сохраняя изображения в скрытой папке. Может быть, че-

рез несколько часов Шарко отвезет эту коробку на набережную Орфевр, 36, или в лабораторию судебной полиции и она больше никогда не получит к ней доступа.

Отсканировав каждую страницу, Люси увеличивала изображение и просматривала его на экране компьютера. Тогда-то она и заметила крошечную цифру, затерявшуюся среди бесчисленных кругов. Сначала в третьем ряду. А потом еще и еще...

Оказалось, что цифры ловко спрятаны на каждом из двенадцати листков блокнота с кругами.

И они непременно что-то значили.

А ты осторожен, мерзавец, подумала Люси. Осторожен, и притом игрок.

В возбуждении от своей находки, она закончила сканирование, искоса поглядывая на закрытую дверь холла. После получаса работы, показавшегося ей бесконечностью, Люси удалось-таки довести архивацию до конца. Она проанализирует цифры позднее.

Она вернулась на диван. Убрала в коробку все, кроме цифрового диктофона. Подключила к нему наушники, устроилась в кресле и нажала на кнопку воспроизведения. В комнате не было слышно ничего, кроме тиканья часов.

И вдруг мужской голос:

Плоть с содранной кожей... Эта инертная масса, которую надо расчленять, разрезать на части, отделять конечности, выявлять ее структуру... Терпеть самые отталкивающие

зрелища, чтобы достичь наслаждения внутренней тайной... Как-то раз мне довелось видеть зеленых лягушек в виварии. Я воображал их в пруду, как они соскальзывают по лезвию моего скальпеля и достигают поверхности воды, вспоров себе брюхо...

Речь была неторопливая, безразличная, ледяная. Очевидно, монолог был записан на диктофон не целиком. Иногда отрывки следовали друг за другом без всякой связи, как фрагменты большого сознания.

...Я ужинал с двумя очень красивыми женщинами, это была пища на основе жиров и медленных сахаров. Потом я попросил одну пойти поспать, а другую поплавать в бассейне до изнеможения. Через шесть часов я вскрыл им желудки, чтобы узнать, чье пищеварение оказалось лучше... Мне понравились их взгляды... Они казались удивленными...

Люси внимательно слушала, свернувшись в клубок среди диванных подушек. Она была не из тех, кого можно легко запугать, но на этот раз даже у нее волосы встали дыбом. Тембр, жестокость и извращенность слов, бредовые идеи. Но ее мозг сыщика заработал снова: к кому обращался этот монстр? Что побудило его поведать о своих «подвигах» на диктофон?

Теперь рассказчик описывал мучения, которым подвергал бедных женщин, как он привязывал их, пытал, испарывал им животы, выпускал внутренности. В его голосе звучало насла-

ждение, он явно смаковал все это. А еще гнусное самолюбование.

...попытался сделать светильник с помощью крови и прочих ингредиентов. Кости, превращенные в золу и смешанные с вином, обладают превосходными целебными свойствами. От эпилепсии помогает мох, собранный на старых черепках... Пот мертвых женщин я тоже собирал и хранил вместе с жиром в баночках из-под малинового варенья... Я всегда любил малину, особенно очень красную, почти черную. В молодости я насаживал ее ягоды на колючую проволоку и смотрел, как из них медленно, по капле сочится сок. Это напоминало мне маленьких котят, плачущих кровавыми слезами...

Запись закончилась. Наконец-то.

Люси вырвала наушники из ушей и глубоко вздохнула. Ей было не по себе. Она вернула на место настольную лампу, чтобы в комнате стало светлее, и посмотрела на входную дверь в глубине. Год назад, вернувшись из России, они с Франком пообещали друг другу держаться подальше от всяких ужасов, чтобы перестать жить в вечном страхе, что один из них может не вернуться.

Разве они оба не достаточно страдали?

Пока еще можно перевернуть страницу. Забыть.

Но посреди всего этого непроглядного мрака Люси чувствовала себя до странности живой. И так было всегда. Хотя ее собственную жизнь и жизнь ее близких разрушила как раз

эта мрачная одержимость.

Она еще раз, с закрытыми глазами, прослушала запись, запоминая каждое слово, каждую интонацию. Потом положила диктофон на место. Ее рука слегка дрожала. Усталость, нервы.

Спуститься на стоянку оказалось не так просто, как в первый раз. Люси окоченела и ощущала тяжесть пустоты на своих плечах. Несколько раз оборачивалась, чтобы убедиться, что ее никто не преследует. Вздрагивала даже от звуков в трубах.

Она положила коробку, этот ящик Пандоры, в точности туда, где взяла, и бесшумно закрыла багажник. Потом поднялась наверх и закрыла за собой входную дверь на два оборота.

Наконец вернулась в спальню, легла и прижалась к своему спящему мужу.

Она нуждалась в его тепле, ей надо было знать, что он рядом.

Потому что ей было ужасно холодно.

Прежде чем отправиться на утреннюю пробежку, Камиль Тибо закрылась у себя в рабочем кабинете и вошла в национальную базу данных жандармерии с помощью логина и пароля, которые сообщил ей Борис.

Она надеялась найти след своего донора в каком-нибудь уголовном деле.

Силы правопорядка располагали несколькими значительными базами данных для исследований: базой автомобильных номеров, базой учета правонарушений, учета прошлых судимостей, а также таможен, налогов, страхования по болезни и так далее.

В первую очередь Камиль заинтересовала база пропавших людей, потом она расширила поиск, перейдя в другие базы данных, и сделала запросы по датам около 27 июля 2011 года, то есть как раз перед ее операцией. Вдруг на той неделе нашли тело человека, объявленного в розыск? Или были закрыты соответствующие дела?

Но Камиль напрасно искала по всем направлениям, ничего подходящего так и не нашлось. Ее надежды опять обратились в дым. Хотя она крепко в это верила.

Где же таилась эта женщина, ее донор? Ее следов не оказалось ни в рубриках «Происшествия», ни среди уголовных дел. Оставались инсульты и разрывы аневризмы, покрывав-

шие почти половину случаев, когда изымались органы. Если женщина, призывавшая на помощь в ее кошмарах, относится к этой категории, у Камиль нет никакого шанса ее найти.

И все-таки... Камиль помнила о малых процентах, которые сопровождали ее с самого детства. О все более и более странных совпадениях, отмечавших вехами ее судьбу. И убеждала себя в том, что смерть ее донора вполне могла оказаться частью этих особых, необычных случаев.

Да пошло оно все к чертям, подумала она, в конце концов.

Молодая женщина откинулась на спинку кресла, разочарованная и уставшая так усердствовать день за днем. Чего ради, в самом-то деле?

Борис появился через час. Он принял душ, переоделся и принес с собой чай без сахара и кофе.

– Закончила?

Камиль кивнула:

– Уже вышла отовсюду. Спасибо еще раз.

Она устало взяла протянутый им стаканчик. Ночью, когда она лежала, прижав ухо к подушке, чтобы лучше слышать биение сердца, ей так и не удалось сомкнуть глаз. Всю ночь оно равномерно, без скачков качало кровь, но иногда Камиль было трудно уловить свое дыхание. Тогда она приподнималась на постели, ловя воздух ртом и прижимая обе руки к груди. Ей казалось, что она задыхается.

Настоящий ад в собственной постели.

Борис не стал задавать никаких вопросов и сразу перешел

к делу:

– Так у тебя есть теория насчет того типа, что повесился полгода назад, но ДНК которого непонятно как оказалась под ногтями нашей жертвы?

– Должна признать, что тут я застряла.

– Зато, может быть, у меня есть гипотеза. Я малость покопался в актах гражданского состояния. Он значится единственным сыном, но вдруг у него был неизвестный нам брат-близнец? У близнецов ведь одинаковая ДНК, верно? Это единственное приемлемое объяснение, которое приходит мне в голову.

Камиль насмешливо возразила:

– Тогда уж почему не замороженные клетки кожи, которые засунули ему под ногти хирургическим пинцетом, чтобы сбить нас с толку? Выбрось из головы эту придумку с близнецами. Мы совершенно напрасно топчемся на месте, надо признать, что пока это совершенно необъяснимо.

Борис залпом допил свой кофе.

– В таком случае, думаю, стоит кое-кого навестить. Я раздобыл имя врача, который выписал свидетельство о смерти Людовика Блие. Это Артюр Сувийон, сотрудник Института судебной медицины Лилля. Я созвонился с ним по мобильному. Он сейчас как раз на рабочем месте, крошит какого-то жмурика. Вскрытие.

Она улыбнулась, держа свой чай в руке.

– Трупам, как я погляжу, плевать на праздники. Едем?

Борис улыбнулся в ответ:

– До чего мне нравится вот так проводить пятнадцатое августа!

Через полчаса «клио» Бориса остановилось на почти пустой автостоянке Института судебной медицины Лилля, соседствующего с Региональным больничным центром. Молодая женщина знала этот огромный комплекс наизусть, она провела в нем все детство и добрую часть прошлого года. Ей было знакомо тут каждое здание: в Институт судебной медицины она время от времени наведывалась с Борисом, чтобы присутствовать на вскрытиях, а прямо напротив – психиатрическая больница, ясли, тюремный медизолятор, чуть дальше – кардиологическое отделение. Вот она, ее жизнь, ее игровая площадка. Как бы ей хотелось иметь в качестве воспоминаний морские или горные пейзажи!

Дверцы машины хлопнули. От асфальта поднимались обжигающие испарения с характерным и совершенно невыносимым запахом. Палило солнце, ветровые стекла автомобилей на стоянке ослепляли. Борис выплеснул себе на лицо остаток воды из бутылки и, фыркая, направился к длинному зданию.

Они позвонили, поскольку дверь оказалась закрыта, а у секретарши был выходной. Им открыл сам Артюр Сувийон, черноглазый брюнет лет тридцати, с которым Камиль уже встречалась несколько раз, но никогда по-настоящему не разговаривала. Он казался ей довольно красивым, несмотря

на осунувшееся лицо и козлиную бородку, которую словно обкорнали ржавыми ножницами. Они поздоровались.

– Мы вас побеспокоили прямо во время вскрытия? – спросил Борис.

Сувийон снял халат, слегка забрызганный кровью, скомкал его и бросил в угол.

– Коллега закончит. Пожилой господин, что сейчас на столе, очевидно, упал с лестницы. Его нашли у нижних ступенек, наполовину оскальпированным.

– Кошмар.

– Рутинa. Пройдемте ко мне в кабинет, на второй этаж.

Камиль с Борисом пошли по коридорам Института судебной медицины, где, несмотря на запах, было довольно приятно, потому что прохладно. Молодая женщина сначала наведлась в туалет. Закрывшись там, она задрала рубашку, футболку и, морщась, потуже закрепила повязку. Боль была жгучей. Порез бритвенным лезвием плохо заживал и превратился в пятнадцатисантиметровую ухмылку. Однако Камиль ни о чем не жалела.

По крайней мере, она могла молча кричать о своем бессилии и гневе.

Она поднялась на второй этаж. Жандармы частенько наведывались сюда, но редко бывали на этом этаже и не знали всех членов команды в лицо. И хотя сегодня в институте было почти пусто, обычно, по словам Сувийона, здесь работало человек двадцать, занимаясь почти всем: от токсиколо-

гического анализа до изучения насекомых-некрофагов. Что касается вскрытий, то их делают на первом этаже, в самом конце коридора, куда допускаются жандармы и полиция.

Едва устроившись в кабинете Сувийона, Борис изложил суть дела:

– Мы пришли по поводу некоего Людовика Блие. Прошло уже больше семи месяцев, но, быть может, вы вспомните: он умер первого января этого года. Его нашли соседи, он повесился в собственной квартире, на седьмом этаже многоэтажки, на юге Лилля. Свидетельство о смерти выписали вы.

Врач повернулся к экрану компьютера и просмотрел документы.

– Самоубийство... Первого января... Как не помнить? Мне позвонили из уголовного розыска, вытащили прямо из-за праздничного стола и вынудили поработать. Поскольку выбора все равно не было, я согласился. Порой мне кажется, что у меня абонемент на работу в праздничные дни.

Он очень быстро разыскал фото повесившегося. Крупный план сверху на тело. Камиль была смущена. Она ожидала увидеть ужасное лицо, но глаза мертвеца были закрыты, щеки розовые, лицо спокойное, отдохнувшее, словно он спал.

– Отчаявшийся мальчик. Дошел до ручки, – сказал Сувийон. – Что вы хотите о нем знать?

– Под ногтями человека, убитого пять дней назад, мы нашли две разные ДНК, – сказала Камиль. – И одна из них принадлежит как раз вот этому типу.

На несколько секунд в кабинете повисла пауза. Заинтригованный Сувийон поглаживал свою бородку.

– Ну надо же... – протянул он и снова задумался. – Быть может, у меня есть объяснение, хотя оно покажется вам невероятным.

– Надеюсь, это не тайный брат-близнец? – улыбнулась Камиль.

Борис бросил на нее косой взгляд и поспешил вернуть:

– Не сомневайтесь, мы вас внимательно слушаем.

– В тот день меня предупредила «скорая помощь». Блие обнаружил сосед, который заглянул поздравить его с Новым годом через некоторое время после того, как тот повесился. Врачи «скорой» прибыли на место через десять минут. Когда они поднялись к нему, он уже не дышал, но сердце еще очень слабо билось. Они вынули его из петли и интубировали. Потом отвезли в реанимацию РБЦ, чтобы проследить за эволюцией его состояния. Там-то и настал мой черед вступить в игру. Ему сделали две электроэнцефалограммы с интервалом в четыре часа, но они были совершенно «плоские». Мозг умер, а это означало, что и сам Блие по-настоящему мертв. Я лично выписал свидетельство о смерти – в присутствии второго врача – в трех экземплярах. Но в морг его не повезли, потому что его сердце все еще проявляло активность.

Борис нахмурился:

– Я чего-то не понимаю: так он был мертв или не совсем?

– Смерть мозга всегда довольно сложно осознать, потому

что вот перед вами человек, у которого нет никаких положительных признаков смерти: он все еще теплый, его грудь поднимается в ритме, заданном аппаратом искусственного дыхания. Скажем так, новейшие способы реанимации создали двусмысленную ситуацию: в пациенте, который таковым уже не является, поскольку мертв, продолжают жить его органы...

Он взял мятный леденец и предложил жандармам. Угостилась только Камиль.

– В общем, благодаря смерти мозга Блие и стал идеальным кандидатом на донорство органов, – продолжил патологоанатом. – Хотя по этой же причине многие близкие весьма часто отказывают в изъятии. Представьте себе родителей, которые видят своего мертвого сына, погибшего, например, в автокатастрофе, но чье сердце все еще бьется, цвет лица у него розовый, и он все еще теплый, если провести рукой по его лбу. Он кажется им всего лишь спящим. Можно убеждать их как угодно, они продолжают надеяться, что сын проснется.

Камиль подумала об анонимном сердце в своей груди, которое, даже будучи больным, позволяло ей жить и о прежнем владельце которого она ничего не знала. Неужели родители, стоя перед телом своей умершей дочери, сказали: «Да, отдайте кому-нибудь сердце нашего ребенка»? Как прошел этот ужасный момент, когда они поняли, что любимое существо ушло навсегда и они его уже никогда не увидят, но что

его сердце продолжит биться в груди какого-то безвестного человека?

– Надо заметить, что удушение вообще ведет к уменьшению содержания кислорода в тканях мозга, – продолжал судмедэксперт, – то есть из-за сдавливания шеи в мозг перестает поступать насыщенная кислородом кровь, отчего он очень быстро повреждается, в то время как остальное тело продолжает прекрасно функционировать. Иногда повешенных успевают спасти, но из-за повреждения мозга они остаются инвалидами на всю жизнь. Чаще всего они погибают, но бывает и так, что, несмотря на смерть мозга, удается поддерживать функционирование других органов – как это и случилось с Людовиком Блие.

Камиль слушала молча, посасывая свой леденец. Ей были известны все эти речи вокруг смерти. О трудности провести границу, об обратимых комах, о длинных туннелях со светом в конце, которые кое-кто, по их утверждениям, видел. Она тоже в некотором смысле побывала мертвой. В ходе тяжелой хирургической операции ее сердце остановилось, организм остыл, кровь выпустили из тела – это называется экстракорпоральное кровообращение, – но мозг продолжал функционировать, и сознание достигло мрака как раз на границе с пресловутым туннелем. Наполовину мертвая, наполовину живая, балансируя на грани между двумя мирами, она в какой-то момент оказалась вообще без сердца. В течение нескольких минут у нее уже не было ее старого сердца и еще

не было нового. Ситуация, которая неизбежно меняет приоритеты и восприятие мира.

Сувийон продолжил свои объяснения:

– Ну и чтобы уж ничего от вас не скрывать – это мне всегда звонят насчет повешенных, потому что я обладаю компетенцией в правовых вопросах, касающихся здравоохранения, и помимо своей работы судмедэкспертом сотрудничаю также с координационным центром трансплантологии Лилля. Меня всегда вызывают, когда случаются насильственные смерти, которые могут привести к донорству органов. Скончавшиеся от повешения или от пули – не те кандидаты, которыми стоит пренебрегать, потому что они дают больше двенадцати процентов доноров. Вся цепочка имеющих отношение к посмертной судьбе тел, включая судмедэкспертов, весьма небезразлична к донорству органов.

Камиль с любопытством слушала все, что он говорит о донорстве. Ей нечего было делать в этих стенах, и все-таки она здесь. Может, это еще один знак судьбы? Может, она следует незримым путем, который направит ее к ответам? Это было так волнующе.

Малые проценты, – подумала она. – Опять случайности, совпадения, которые преследуют меня с раннего детства...

Врач снова заглянул в компьютер и запустил программу, которую молодая женщина знала слишком хорошо: «Кристалл». Она наклонилась к экрану, но Сувийон успел набрать свой логин и пароль раньше, чем она смогла их увидеть.

– У вас есть доступ к программе координации трансплантаций? – удивилась она. – Здесь, в Институте судебной медицины?

– Да, есть, потому что я тесно сотрудничаю с Национальным биомедицинским агентством, которое базируется в районе Ла-Плен Сен-Дени. Но ограниченный, потому что я могу получать информацию только о тех донорах, с которыми сам имел дело. Куда уходят органы и кто их получает, мне неизвестно... Это очень закрытая и анонимная информация. Сплошные штрихкоды.

«Нет ничего нового под солнцем, – подумала Камиль. – Войдя в программу, Сувийон выбирает несколько критериев поиска и затем кликает на имя Людовика Блие. Открывается сводный документ с медицинскими терминами и номерами».

– Вот... У нашего висельника не было ни семьи, ни близких родственников, которые могли бы воспротивиться изъятию органов. А надо знать, что в делах донорства тот, кто не возражает, считается согласным. Другими словами, во Франции мы все потенциальные доноры органов, если только еще при жизни не впишем себя в национальный регистр отказников. Но Блие не тот случай. Мы всегда стараемся связаться с семьей, чтобы родственники приняли окончательное решение. Но если никто не объявляется, действуем.

Он внимательно просмотрел документ.

– Вижу, что координационная команда изъяла у него поч-

ки, легкие, сердце, печень. Короче, полный набор. – Он кликнул мышью. – А, вот что меня интересует, ткани... Изъятые роговые оболочки глаз, головки бедренных костей, массивные кости, а главное, кожа со спины, бедер и рук... Все эти элементы идут в основном в банк тканей, который находится в Региональном больничном центре, для будущих пересадок, поскольку у них более-менее долгий срок хранения.

В голове жандармов сразу щелкнуло: пересадка кожи. Камиль злилась на себя за то, что сама не догадалась, хотя ведь имела к этому непосредственное отношение. Пересадка... Именно пересадка была ключом к неразрешимой проблеме ДНК.

– Тому, кто убил Арно Лебара, пересадили кожу Блие, – объявила она, пристально глядя на Бориса. – Потому-то мы и нашли его ДНК под ногтями нашей жертвы.

Врач кивнул:

– Да, действительно, это единственное объяснение, которое я вижу. Хотя чаще всего для пересадки кожи используют собственный эпидермис пациента: изымают у него куски неповрежденной кожи, чтобы залатать обожженные места. При аутотрансплантации не бывает отторжения. Но в некоторых случаях обожженные поверхности слишком велики и нетронутой кожи не хватает.

– Это ведь касается серьезно пострадавших от огня? – спросил Борис.

– Главным образом да. Приходится действовать очень

быстро, нет времени вырастить кожу пострадавшего в лабораторных условиях. Тогда ему пересаживают кожу донора, но речь идет лишь о временном решении. Обычно еще до того, как через несколько недель проявятся признаки отторжения, ему пересаживают его собственную кожу, которую успевают вырастить в лаборатории.

Он закрыл программу. Борис попытался представить себе типа с заплатами на лице и теле из кожи Блие. Наверняка убийца серьезно обгорел...

– Это может объяснить то, что под ногтями найдены две разные ДНК, – сказал он.

– Точно. В эпидермических слоях вашего убийцы наверняка была ДНК его донора, в данном случае нашего повешенного. Вы столкнулись с тем, что называется химерой, как мифологическое чудовище: один человек с двумя разными ДНК в разных частях тела.

Камиль промолчала, поскольку еще никогда по-настоящему не размышляла об этой истории с химерой. Не является ли и она сама такой же химерой? Сердце у нее в груди обладает ДНК, отличной от ее собственной. По этой-то причине ее организм так яростно борется с ним, отвергает его.

Она так погрузилась в свои мысли, что позволила Борису опередить себя.

– Достаточно узнать, кому была пересажена кожа Блие, – сказал Борис, – и мы найдем нашего убийцу. Я знаю, что ваша программа может делать такие вещи: связать донора и

реципиента.

– Да, верно, но у меня нет права на такой запрос. Как я вам сказал, мой доступ к «Кристаллу» очень ограничен, я никогда не знаю личности реципиентов. Но вам в рамках судебного расследования получить разрешение будет относительно просто.

Он взял лист бумаги, карандаш и написал имя и адрес.

– Получите разрешение у судьи, в чьем ведении находится ваше дело, а затем перешлите его по факсу или заверенным письмом по электронной почте директору биомедицинского агентства, чьи координаты я вам записал. В рамках конкретной судебной процедуры он снимет замок анонимности и установит связь между донором и реципиентом. И вы тогда узнаете имя вашего убийцы.

Вполне удовлетворенный, Борис взял листок и встал, но Камиль не шелохнулась.

– Я и не думал, что мы так продвинемся, придя сюда.

– Был рад помочь. Ваш случай довольно замысловат, я его запомню. Такого рода анекдоты всегда интересны для студентов-медиков, да и для криминалистов тоже.

– Камиль? Ты идешь?

Молодая женщина сидела не шевелясь, устремив глаза в пустоту. Эти истории про химер только что подсказали ей путь, даже мысль о котором раньше не приходила ей в голову.

Самый очевидный из всех и который с самого начала был

у нее перед глазами.

Тот, который, быть может, раскроет ей личность ее донора.

10 часов утра.

Тесный кабинет Белланже под самой крышей дома № 36 по набережной Орфевр. Сигареты, раздавленные в пепельнице. Ничего личного на стенах. Ни фотографий, ни сувениров. Опущенные жалюзи, чтобы хоть немного уменьшить жару. Проникавшие сквозь них солнечные лучи исчертили полосами суровое и усталое лицо начальника группы, только что изучившего содержимое обувной коробки.

Его будто хватили обухом по голове.

Немного нависая над ним, вентилятор месил спертый, тяжелый воздух.

– Вот паскудство, двенадцать девушек.

Он пристально и хмуро посмотрел на Шарко и встал. В некоторых местах потолок был таким низким, что ему приходилось пригибаться.

– Так этот псих еще и записывает свои мерзости на диктофон.

– Да уж, прямо высший класс.

На Белланже накатила усталость, он оперся об истертое дерево стола перед собой. Его лицо было измождено бессонницей.

– Я на ногах не стою. Рассчитывал на праздник, чтобы оклематься немного, но... Мне бы съездить домой... При-

нять душ, поспать пару часов, съесть что-нибудь посуше-
ственное куска хлеба. Я всю ночь разбирал бумаги, а с утра
мы с Робийяром названиваем в пустоту. На рабочих местах
никого нет.

Прежде чем зайти сюда, Шарко заглянул в общий зал,
ореп срасе, поздороваться с лейтенантом Робийяром. Пас-
каль Робийяр был их великим специалистом по процедуре и
по всему, что касалось поисков в компьютерных базах дан-
ных.

Николя Белланже взял коробку и обе картины:

– Я их сам отнесу. Видел, что тут болтаются два-три ла-
боранта, попрошу сделать анализ ДНК волос, ногтей и осо-
бенно зубов. Надо попытаться установить, принадлежит ли
все это одному и тому же человеку.

– Есть еще... хм... бумажник. Учитывая, что мы слышали
на записи, возможно...

Белланже сжал губы.

– Посмотрим. Спасибо за коробку и... отличная работа,
Франк. Только ты мог это углядеть.

Кивнув в ответ, Шарко предложил:

– Я могу тут остаться на пару часов, если хочешь, но не
больше. Обещал кое-что Люси...

– Не парься. Я позвонил куда следует, там уже зашевели-
лись, хоть и неторопливо, если понимаешь, что я хочу ска-
зать. Судья сможет меня принять не раньше семнадцати ча-
сов, а дивизионный комиссар, хоть и сократил свои выход-

ные, будет здесь только к вечеру...

Шарко промолчал. Клод Ламордые, их big boss, и так был не самым большим весельчаком на планете, а это все, похоже, грозило изрядно подпортить ему настроение.

– ...Робийяр начал просматривать базы данных по поводу этих двенадцати девушек, – продолжил Белланже, потирая себе лоб. – Ищет, не было ли массовых исчезновений. Лева-луа вернется после обеда, чтобы помочь немного. Робийяр его подключит к поискам ПФ, того типа, что подписал рисунки. Пусть поищет в списках вышедших из тюрьмы и тех, кто еще сидит. Это пока не получим анализы ДНК волос. Что касается тебя... Я предпочитаю, чтобы ты поберег силы для ближайших дней. Завтра узнаем новости.

Он вздохнул и вынул сигарету из пачки.

– Передай Люси привет от меня. Как она, кстати? А дети?

– Все нормально. Веселимся все вчетвером. Собираемся сегодня устроить пикник на бережку. Подышать вместе свежим воздухом. Посидеть на солнышке. Нам это как зеленым растениям нужно.

Шарко уже дошел до порога, но повернулся и добавил:

– В тридцать пять я был точно таким же. Слишком налегал на трос, он в конце концов и лопнул, прямо мне в морду. Ты ведь знаешь мою историю, знаешь, через что я прошел. Тебе стоит больше заботиться о себе.

Белланже слегка усмехнулся:

– Спасибо еще раз за твою маленькую лекцию, но все

обойдется.

– Это ты так думаешь. И кончай жить на работе, Николая, тебе надо найти себе кого-нибудь. Потому что только хорошая женщина вытянет из всего этого дерьма.

Как только около девяти часов утра Шарко ушел из дома на набережную Орфевр, 36, Люси бросилась к компьютеру.

Она плохо спала, потому что всю ночь у нее из головы не шли загадочные цифры, обнаруженные в блокноте. Вооружившись ручкой и листком бумаги, она просмотрела одну за другой двенадцать рукописных страниц, всякий раз скрупулезно выписывая цифры или знаки («/» и «.»), попадавшие ей среди бесчисленных концентрических кругов.

С первой страницы блокнота она получила следующую последовательность:

0104060809201011/1411102100/47.6193757/06.1529374.

Хотя серии цифр варьировались от страницы к странице, она все же заметила некоторую закономерность. На каждой странице обнаружили сорок четыре цифры, разделенные тремя наклонными черточками.

Люси отметила: «Блок из 16 цифр / из 10 цифр / из 9 цифр с точкой / из 9 цифр с точкой».

Наверняка для того, кто это написал, закодированные цифры были полны смысла и скрывали что-то важное.

Двенадцать зашифрованных строчек, двенадцать фотографий, двенадцать различных женщин...

Люси подумала и наугад вывела на экран одно фото. Там на бритом затылке жертвы тоже имелись цифры: В-02.03–07.

08–09.11-12.15. Она считала количество цифр без учета буквы. Ровно шестнадцать. Как и в первом блоке.

Она стала искать последовательность 0203070809111215 в своих недавних записях. И у нее подскочил уровень адреналина, когда шестнадцать цифр этой татуировки обнаружались в первом блоке одной из строчек, последней в данном случае.

Таким образом, строчка, составленная из найденных в блокноте цифр, вполне соответствовала татуировке одной из девушек. Шифровальщик называл свои жертвы не по именам, а по номерам, наколотым на их затылках.

Номера, скот. Они были для него просто скотом.

Люси пробрала дрожь.

Значит, каждое начало строки отсылает к одной из девушек. Люси заинтересовалась следующим блоком: 1411102100 – и довольно быстро поняла, что речь идет о датах и точном указании часов с минутами. В таком случае все вместе значит: 14-11-2010, 21 ч. 00.

Проанализировав таким же образом каждую строчку, она записала на другом листке, копируя также букву или буквы:

В 14 ноя. 2010-21 ч. 00,

В 21 дек. 2010-2 ч. 00,

АВ 4 янв. 2011-23 ч. 30,

В 1 фев. 2011-22 ч. 40,

АВ 24 фев. 2011-00 ч. 30,

АВ 26 мар. 2011-23 ч. 30,

АВ 15 апр. 2011-1 ч. 00,

В 3 мая 2011-2 ч. 00,

В 16 мая 2011-00 ч. 00,

АВ 7 июн. 2011-3 ч. 00,

В 9 июл. 2011-1 ч. 30,

В 10 авг. 2011-1 ч. 00.

В двенадцати строчках календарные даты идут по порядку. Часы поздние, ночные. Промежутки между датами примерно в несколько недель.

Сведения о личности представлены цифрами, датой, часом... Возможно, это дата похищения. В таком случае как похититель выбирал свои жертвы? Если судить по фотографиям, свою роль, очевидно, играло внешнее сходство и социальное происхождение.

Одно похищение в месяц, иногда два, это много. Как этот мерзавец подбирался к своим жертвам? Долго ли наблюдал за ними? Знакомился ли с ними? Был ли соблазнителем?

Люси вернулась к строчкам. Оставались два последних блока, на которых она застряла. Сложные числа через запятую. Она искала общие точки: некоторые числа повторялись от строки к строке. «06.1529374», например, оказалось сразу на нескольких страницах.

Люси не успела продолжить свои размышления. Вернувшийся Франк вставил ключ в замочную скважину. Люси поспешно закрыла файлы с фотографиями и спрятала свои заметки под ворохом бумажек. Сделала вид, будто проверяет

почту и подняла глаза на Шарко, который предстал перед ней с хлебом и букетом роз. Он протянул ей цветы:

– За вчерашнее...

Люси взяла букет и уткнулась носом в лепестки:

– Пахнут приятно. Я вчера тоже сорвалась. Сожалею.

Они поцеловались.

– Очень мило, что ты решил провести день с нами, – сказала Люси. – Но мог остаться в конторе. Мне по-прежнему кажется, что дело и впрямь очень важное.

– Ты что, хочешь избавиться от меня? Нет в нем ничего важного, я ведь уже сказал.

Он врал не краснея, но Люси на него не сердилась.

– Очень хорошо. В таком случае... Пикник!

Отряд тронулся в путь незадолго до полудня. Они провели прекрасный день вдалеке от Парижа, валялись на солнышке, у воды, ели бутерброды, пили молоко, близнецы лежали в своей двойной коляске, намазанные кремом от солнца, в крохотных чепчиках на головках. Простое счастье семейного дня.

Шарко улыбался, шутил, хотя иногда его взгляд затуманивался, и тогда он пристально смотрел на озеро, поглаживая свои мокасины кончиком большого пальца, молча, словно старый ностальгирующий рыбак, настигнутый своими демонами. В такие моменты Люси понимала, что он думает о своем деле, обо всех этих девушках, и что в его голове отдаются эхом зловещие слова чудовища:

Как-то раз мне довелось видеть зеленых лягушек в виварии. Я воображал их в пруду, как они соскальзывают по лезвию моего скальпеля и достигают поверхности воды, вспоров себе брюхо...

Люси тоже не смогла полностью насладиться их днем. В ее голове вихрем кружились цифры и концентрические круги из блокнота.

Зачем было записывать их именно таким образом?

Решение этой загадки, которое она искала с самого утра, пришло ей в голову на обратном пути в Париж, когда Шарко ввел их домашний адрес в навигатор GPS.

В нижней части экрана высветились цифровые координаты.

Цифры с запятыми, как в заметках убийцы.

Тогда-то Люси и поняла, что две последние группы цифр, которыми заканчивалась каждая строчка, наверняка являются указанием места. Долготой и широтой.

В ту ночь она дождалась, когда Шарко заснет. Бесшумно встала и, оставшись одна в гостиной, снова бросилась к компьютеру.

На двенадцати страницах она нашла только три группы разных координат. Значит, априори на страницах блокнота были спрятаны координаты трех разных мест. Сгорая от нетерпения, она открыла Google Maps и ввела широту и долготу.

Кликнула мышью. На карте появился указательный зна-

чок, прямо посреди леса Алат в департаменте Уаза.

Сработало!

Люси ввела следующие координаты, потом последние. Все три места располагались в лесу Алат на расстоянии двух километров друг от друга. Она распечатала карту.

Дюжина татуированных девушек, три даты, три различных места. Сначала Люси думала, что эти сведения относятся к похищениям, но, учитывая положение мест в лесной глуши, это отпадало: никакая девушка не пошла бы гулять туда в ночное время. Хотя, может, им назначили там свидание?

А если это даты и место, где он их убил? Или где похоронил? Большинство серийных убийц записывали приметы места, где избавились от тел. Чтобы оживить свои фантазмы и время от времени выкапывать их из земли. Или просто потому, что слишком многих убивали, они хотели иметь возможность освежить свою память о жертвах.

Быть может, по этой же причине он зашифровывал данные в своем блокноте. Вопрос безопасности. А еще потому, что эти подонки обожают всякие разновидности игры.

Люси задумчиво встала и подошла к окну. Постояла там несколько секунд в тишине. Улицы были пустынные, свет в квартирах поблизости погашен... Люди были погружены в свои сны. Или в свои кошмары.

Она бросила взгляд на часы и вернулась к компьютеру. Стерла историю запросов в Интернете и закрыла его. Потом

спрятала отпечатанные карты в книжном шкафу и как ни в чем не бывало легла.

Одинокий сыщик, дремавший в ней, только что пробил скорлупу материнства.

Охотничий инстинкт одержал верх над генами.

Камиль подумала, что, быть может, ответ на ее вопросы находится прямо здесь, у нее перед глазами.

Между двумя стеклянными пластинками.

Биопсия. Концентрированная ДНК ее донора.

Как же это не пришло ей в голову раньше? Начать с самого простого, самого очевидного. Начать поиск с генетического профиля сердца в национальной базе генетических отпечатков, общей для полиции и жандармерии. А вдруг обнаружится совпадение с чьими-нибудь данными, внесенными в базу? Весьма маловероятно, но, какой бы слабой ни была вероятность, она очень ее интересовала.

В два часа дня ей удалось дозвониться до специалиста по биологии из лильской лаборатории судебной полиции, которого она знала еще с лицейских времен, Фредерика Кромбеца. В этот праздничный день он не работал, но по настоятельной просьбе Камиль наведалься в лабораторию на бульваре Вобан, чтобы пропустить горстку клеток ее сердца через свои навороченные машины. Без запроса, без документов. Как говорится, втихаря.

Через несколько часов, отделавшись от бывшего однокашника обещанием сводить его в ресторан (после чего он надеялся затащить ее в койку), Камиль вышла из здания лаборатории с документом чрезвычайной важности в руке: с пре-

словутым генетическим профилем своего донора. С его уникальным штрихкодом, отличавшим его от всех прочих в этой огромной семимиллиардной колонии.

В конце дня она спустилась в метро на площади Республики и, усевшись в угол, рассматривала кривую этого пока неизвестного генетического профиля, его пики и впадины, набор разных данных. Это было так любопытно – держать в руках сокровенный код человека, не будучи знакомой с ним самим.

Она вернулась в Вильнев-д'Аск через полчаса и направилась напрямик в квартиру Бориса, расположенную в другом конце казармы. Позвонила, но никто не отозвался. Будь то пятнадцатое августа или нет, сегодня Борис, как и каждую среду вечером, наверняка качался в одиночестве. Утренних пробежек ему было недостаточно.

Действительно, она нашла его в спортзале, где он тягал чугун, накачивая мышцы. Большие плексигласовые перегородки накапливали жар за день, превращая место для тренировок в духовку. Но, несмотря ни на что, Борис в очень коротких шортах и с голым торсом распростерся под грифом штанги на скамье для жима лежа и заканчивал серию из десяти упражнений. Заметив Камиль, он снял наушники и натянул на себя майку, лежавшую на полу.

– Черт! И давно ты здесь?

– Очень давно. Знаешь, ты мог бы остаться и без майки. У тебя все такое гладкое и блестящее. Мне нравится.

Она не смогла бы сказать наверняка, покраснел он от усилий или от избытка стыдливости. По его вискам тек пот, дыхание было прерывистым. Пожав плечами, Борис стал снимать чугунные блины с грифа штанги. Камиль подошла поближе, заложив руки за спину.

– А ты подготовил запрос для судьи на нашего убийцу с пересаженной кожей? – спросила она.

– Да, пошлю ему завтра, с самого утра. Если отреагирует быстро, заверенный факс сразу же от него отправится напрямую к директору биомедицинского агентства. И мы получим имя нашего убийцы.

Борис отпил глоток воды, не снимая с рук перчаток для занятий тяжелой атлетикой.

– А ты уже собрала чемоданы в Аржелес?

– Да. Вполне возможно, что поеду завтра или в пятницу, чтобы избежать пробок в выходные. В таком случае я дам тебе ключи от квартиры, чтобы ты мог присмотреть за Веточкой.

– Завтра или в пятницу? Ты же вроде работать должна, разве нет?

– Мне плевать.

– Плевать?

Борис озадаченно посмотрел на нее. С некоторых пор у Камиль появились решительно странные реакции. Она помогла ему снять чугунные блины.

– Слушай, Борис, у меня есть к тебе последняя просьба.

Навинтив на гриф блокиратор, она протянула ему бумагу, которую принесла с собой. Лейтенант пробежал ее глазами и нахмурился:

– Генетический профиль? Так ты хочешь, чтобы...

– Да, чтобы ты заглянул в автоматическую базу генетических отпечатков. Надо проверить, соответствует ли этот профиль конкретному человеку.

Лейтенант сел на скамью с бумагой в руках:

– Вот, значит, что тебя так поразило в Институте судебной медицины... да ты и в машине об этом говорила – история с химерой. И теперь у тебя идея: хочешь залезть в базу данных, чтобы найти собственного донора, верно?

– Я думаю, что это, скорее всего, женщина. Там ведь собраны ДНК миллионов людей. Кто знает, вдруг получится?

– Может, да, а может, нет.

– Надо попробовать.

– Поди знай, чем это обернется. Может, твоя донорша преступление совершила, даже убийство?

– Там хранятся также пробы ДНК пропавших людей и их близких, неопознанных трупов или подозреваемых, которые не обязательно оказываются преступниками. Даже наши ДНК там есть, потому что мы постоянно присутствуем на местах преступлений и соприкасаемся с ними. В этой базе не только плохие люди.

Борис покачал головой:

– Да, не только. Скажем, девяносто пять процентов.

– Вот именно. Остается всего пять. А мне вечно везет на малые проценты.

– Слушай, Камиль, быть может, тебе лучше бросить свою затею? Как говорится, не буди лихо... Мне неохота это делать.

Камиль резко выдернула бумагу из его рук:

– Спасибо за помощь. Увидимся через пару недель. Если все будет хорошо.

И сердито пошла прочь быстрым шагом. Борис поколебался. Потом набросил полотенце на шею и догнал ее:

– Ты ведь ни за что не отступишься, да?

– Я пойду до конца. А если не сработает, гарантирую тебе, что явлюсь в биомедицинское агентство с пушкой, но получу имя. Мне больше терять нечего.

Борис не понял, шутит она или нет. Но по виду было не похоже, чтобы шутила.

– Кроме работы, тебе, конечно, терять нечего. Твое упрямство мне совершенно непонятно.

– Ты не живешь благодаря смерти другого. И тебя не мучают эти кошмары. И к тому же...

– Что «к тому же»?

– Нет, ничего.

Она опустила глаза. Он улыбнулся. Улыбкой сдающегося.

– Ладно, давай разделаемся с твоим профилем.

Они прошли по пустынным коридорам отдела криминальных расследований, поднялись на второй этаж и оказались в

кабинете Бориса. Вообще-то, для того, чтобы войти в автоматическую базу генетических отпечатков, требовалось согласие заместителя прокурора, но Борис и его коллеги время от времени нарушали правила – сначала входили, а запрос подавали потом.

Лейтенант уселся перед компьютером, набрал коды доступа и вошел на сервер, расположенный в Экюлли, близ Лиона. Камиль положила ему руку на плечо:

– Спасибо.

– Ну да, спасибо. Терпеть этого не могу и надеюсь, что не делаю глупость. Давай сюда твой профиль.

Он ввел данные в компьютер, запустил поиск и протянул ей горстку монет.

– Пока он возится, сходи к автомату, ладно? Возьмешь себе чай, а мне колу. Колу лайт, пожалуйста.

– Настоящий кутеж... Вообще-то, на тебя было довольно приятно смотреть там, в спортзале. Наверное, у тебя крепкое сердце, превосходно питаемое, мускулистое, и желудочки работают, как клапаны «шевроле» модели «Корвет-Дайтон-1979». Кубатура у тебя – просто загляденье!

Она исчезла, сделав вид, будто расслабилась, но на самом деле все было совсем наоборот. Она напоминала настоящую электрическую батарею – напряжена была так, что чуть не искрила. Может, через несколько минут она узнает, кому принадлежало ее больное сердце. Тайна призывов о помощи будет раскрыта.

Дойдя до автоматов с напитками, Камиль вдруг скорчилась от боли, словно ребра врезались в мышцы. Она привалилась к стене, прижав обе руки к груди. Кровь пульсировала, оглушительно, точно тамтам, стучало сердце. Оно кричало, бунтовало, пыталось разорвать постепенно сковывающую его цементную оболочку.

Эта крестная мука длилась несколько секунд. Камиль с трудом выпрямилась. У нее все болело. Ей казалось, что она вот-вот упадет. Монеты покатались по полу.

Она собрала их трясущейся рукой и выбрала два напитка в двух разных автоматах. Быть может, окажись она во время приступа за рулем, врезалась бы в дерево. По крайней мере, все было бы кончено.

Ни боли, ни наваждений, ни страха смерти.

Прежде чем вновь войти в кабинет Бориса, она сделала глубокий вдох. Лейтенант неподвижно сидел перед экраном компьютера, приоткрыв рот, словно только что проглотил муху. Она застыла на пороге:

– Получил ответ, да?

Он кивнул. Камиль приблизилась к столу. Ее так колотило, что чай выплеснулся из стаканчика и обжег ей руку. Она чуть не выронила его и спешно поставила на стол вместе с колой.

Наконец-то она все узнает.

– Кто она? Да говори же!

– Ты ошиблась, это не женщина. Твоего донора звали Да-

ниэль Луазо. Тридцать один год.

Камиль не сумела скрыть свои чувства, было заметно, что это ее задело.

– Мужчина, – повторила она. – Вот черт, я была уверена, что...

Она в задумчивости умолкла. Борис открывал бутылку.

– И... что плохого он сделал?

– Ничего. Работал в парижском предместье, в комиссариате Аржантея... Убит пулей в голову, похоже, во время совершенно банальной операции, если верить протоколу, который я обнаружил. Его какой-то торчок подстрелил. А дату ты и сама, наверное, знаешь: 27 июля 2011 года, как раз накануне твоей пересадки.

Он вздохнул и добавил:

– В общем, малышка, тебе досталось сердце легавого...

Четверг, 16 августа 2012 года

Камиль решила выехать рано утром, в 6:30. С вечера засунула в чемодан кое-какие вещи для отпуска: иммунодепрессанты, с которыми не расставалась, положенные в «еже-недельник» – контейнер для таблеток с семью отделениями, потом метроном, книги, шорты, футболки, прогулочную обувь, шлепанцы-вьетнамки сорок третьего размера, летнюю одежду, но без купальников. Она ненавидела пляжи.

Кошкой займется Борис, у него есть ключи от квартиры и доступ к запасам кошачьего корма. Своих родителей она еще не предупредила, что может приехать раньше, чем предполагалось. Это будет зависеть от того, что ей удастся сегодня выяснить.

В 9:30 у нее была назначена встреча в комиссариате Аржантея с неким Патриком Мартелем, коллегой Даниэля Луазо. Она узнала его телефонный номер, позвонив накануне в комиссариат и представившись прапорщиком полиции, но фамилию назвала вымышленную, поскольку предпочитала действовать инкогнито.

Мартелю она сказала, что работает над важным делом, связанным с Луазо. Тот захотел узнать подробности, но Камиль уверила его, что все сообщит при личной встрече.

Молодая женщина чувствовала себя одновременно возбужденной и успокоенной. Расследование, которое она вела так давно, наконец достигло своей цели: выяснилось, что она носит в груди сердце тридцатилетнего мужчины, лейтенанта полиции. Человека, который погиб при исполнении служебных обязанностей. Который наверняка оставил семью, убитую горем из-за его смерти. Но эта ужасная кончина позволила ей жить и все еще дышать.

Камиль пока не слишком много знала о своем доноре. Как он выглядел? Была ли у него жена, дети? Она задавалась этими вопросами со вчерашнего дня и, кстати, опять почти не спала. И разумеется, думала о своем кошмаре. Может быть, Даниэль расследовал дело, в которое была вовлечена молодая женщина из ее сна? Может, он нашел ее где-нибудь запертой? Жива ли она еще?

Возможно, скоро она получит ответы.

Именно в этот момент она почувствовала себя близкой к Даниэлю, хотя ничего о нем не знала и ее ничто с ним не связывало, кроме его «дефектного» сердца. Еще один невероятный ход со стороны судьбы. Как странно, что жандарму досталось сердце полицейского, к тому же почти ровесника. Человека, решившего служить закону и Республике, как и она.

После пункта уплаты дорожной пошлины на автотрассе А1 перед Парижем движение заметно уплотнилось, но оставалось относительно плавным, без заторов. Либо люди уеха-

ли пятнадцатого августа, либо пустятся в дорогу завтра вечером в битком набитых машинах. После очередного года иллюзорных обещаний, кризисов и каждодневной каторги каждому требовалось расслабиться.

Включив кондиционер на полную мощность, Камиль добралась до Аржантея около 8:30. Она приехала даже раньше назначенного срока. Благодаря стараниям Бориса она знала, что Даниэль похоронен на кладбище Валь-Нотр-Дам, поэтому сделала крюк, завернув по пути в цветочный магазин. Могила нашлась быстро – плита из серо-розового мрамора с несколькими искусственными растениями, вазой с белыми камешками и совершенно сожженными солнцем хризантемами. Было только две памятные таблички: «Нашему племяннику» и «Нашему сослуживцу и другу...».

Камиль подошла, провела пальцами по второй части надписи: «Ты останешься в нашем сердце» – и снова сложила руки перед собой, стоя перед совершенно пустой стелой. Неужели никакой семьи? Ни одного слова от родителей?

Она почувствовала, что у нее невольно увлажнились глаза. «Ты останешься в нашем сердце». Было так странно сознавать, что часть существа, лежавшего перед ней в могиле, находилось теперь в ней самой. Она подняла глаза к деревьям на заднем плане и попросила прощения за то, что владеет его сердцем и живет, в то время как он, Даниэль, ушел так далеко.

– Я не сумела позаботиться о твоём сердце, – прошептала

она, вытерев слезу. – Мне так жаль...

Она прибрала на могиле, вынула из вазы увядшие цветы, поставила купленное каланхоэ. На кладбище царило спокойствие, от которого ей стало лучше. Это помогло ей собраться с мыслями. Потом она вернулась к машине. С тяжелым сердцем.

В 9:35 Камиль явилась в комиссариат под именем Кати Ламбр, в жандармской форме, с вполне приметными знаками различия, и сообщила, что у нее назначена встреча с Патриком Мартелем. Как и в Вильнев-д'Аске, в это утро четверга тут оказалось не слишком много народа. Да к тому же было еще слишком рано. Что полицейские, что жандармы – один черт, и тем и другим хотелось оттянуть приход сентября, который явится с целой кучей проблем.

Лейтенант полиции Мартель принял ее в своем кабинете на первом этаже. У этого мужчины лет сорока, довольно симпатичного, были разного цвета глаза, один карий, другой голубой. Камиль всегда смущалась, когда встречалась с таким взглядом. У каждого глаза словно имелась своя история.

Он сердечно принял ее, предложил кофе, которому она предпочла чай, и пригласил садиться.

– Нечасто встретишь вашего брата, то есть жандармов, в наших стенах. Вы откуда?

– Из Нанта, – солгала Камиль. – Отдел криминальных расследований Ришмон.

Мартель пригубил свой кофе.

– Отдел криминальных расследований здесь, у нас... Ладно, расскажите мне о вашем деле! Какое отношение это имеет к Даниэлю?

Камиль в конце концов решила открыть свои карты. Из-за нехватки времени приходилось действовать напрямик.

– Честно говоря, никакого дела нет. Я пришла сюда по личным причинам. Вы правда были ближайшим коллегой Даниэля? Знали его лучше других?

– Вы меня уже заинтриговали по телефону, а теперь интригуете еще больше... Да, я был его ближайшим коллегой. Даниэль работал совсем рядом, мы порой выпивали, ели вместе.

В его взгляде появилась ностальгия. Полицейским трудно оправиться от гибели одного из своих при исполнении. Камиль оторвала его от этих мыслей:

– Очень хорошо. Но мне нужно ваше слово: то, что я вам открою, должно остаться между нами. Ни ваши коллеги, ни тем более семья Даниэля не должны об этом ничего знать.

– Это зависит от того, что вы выложите.

Камиль пристально посмотрела в голубой глаз:

– 27 июля 2011 года в 20 часов 20 минут Даниэль погиб при исполнении. 29 июля в 5 часов 10 минут я получила его сердце.

Она положила руку на грудь.

– Даниэль здесь. Его сердце бьется во мне.

Пораженный Патрик Мартель застыл с открытым ртом.

Через какое-то время он наконец откинулся на спинку стула и частично вновь обрел дар речи.

– Извините. Но это так...

– Я понимаю.

Лейтенант полиции продолжал ошеломленно смотреть на Камиль, не шевелясь и не говоря ни слова. Но в конце концов нарушил молчание:

– Мы узнали от судмедэксперта, что у него взяли органы. Они куда-то ушли, но куда, мне так и не удалось... – Он покачал головой. – Я хочу сказать, что эта история с донорством органов была абсолютной абстракцией. И вдруг вы здесь, передо мной, с его сердцем, которое бьется в вас. Это так поразительно...

– Поверьте мне, дня не проходит без того, чтобы я об этом не думала. Я искала Даниэля больше полугода. Хотела знать, кем он был, как жил. Хотела, чтобы сердце ассоциировалось у меня с чьим-нибудь лицом. Не спрашивайте меня почему. Это так. И стало настоящим наваждением.

Она отпила глоток некрепкого чая. Мартель немного расслабился, порылся в ящике стола и, достав оттуда фотографию, протянул Камиль:

– Это мы вдвоем, во дворе комиссариата.

Сердце в груди Камиль забилось быстрее, словно оно услышало. Молодая женщина странно себя почувствовала. У ее донора были необычайно черные глаза – словно две дыры на фотографии. Трудно расшифровывать застывшие

взгляды, но все же Камиль заметила в нем насмешливость, а также тайну. Луазо был невысоким брюнетом, коротко остриженным, довольно щуплым и не слишком красивым. Но тем не менее имелось в его внешности что-то по-настоящему притягательное.

И в его губах виднелась сигарета.

– Он курил, – пробормотала Камиль.

– Да, но заядлым курильщиком не был. В основном ударял по кофе, настоящий кофеман. Если не выдувал пятнадцать переслащенных чашек в день, считайте, что и одной не выпил. Хотя никогда не оставлял после себя немытую чашку. Такой вот чистюля. Ни крупинки сахара, ни окурка. У него в кабинете было чисто, как в хирургической операционной. У нас в уголлке его прозвали Мистером Пропером.

Он улыбнулся, но карий глаз задрожал. Его лицо снова стало печальным.

– Тем вечером он там вообще не должен был очутиться. Банальная операция, он просто подменил приболевшего коллегу. И бац – пуля прямо в голову... Мы все о нем по-настоящему горевали.

Он нахмурился.

– И это тем ужаснее, что он собирался бросить работу. Хотел подать в отставку, заняться чем-нибудь другим, начать новую жизнь.

– Какую именно жизнь?

– Понятия не имею. Но полицию в любом случае хотел

бросить. И все-таки в тридцать один год... Ему дослужить-то всего семь лет оставалось.

– И вся жизнь впереди.

Камиль хотела вернуть ему фото.

– Оставьте себе, у меня еще есть.

– Спасибо. У Даниэля не было семьи?

– Его мать умерла несколько лет назад, а с отцом он не общался. Потому-то и проблем с донорством органов не было, старик сказал: «Делайте что хотите». Представляете? На похороны почти никто из его семьи не пришел, кроме одной тетки. Или двух. Тоскливо как-то.

Мартель допил свой кофе и бросил стаканчик в мусорную корзину.

– Ни жены, ни детей. Так что в итоге, может, оно и к лучшему.

– А подружки?

– Он был закоренелый холостяк. У него по этой части настоящая блокировка стояла. Женщин не мог не то что клеить, а даже заговорить с ними. Мямлил что-то, в словах путался... Его временами пытались пристроить, но он был слишком робок. Или, если угодно, не создан для этого... Хотя, думаю, ему на это было плевать.

Голубой глаз улыбнулся.

– Все-таки потрясающая проделка судьбы, что его сердце досталось женщине и теперь бьется в вас. В некотором смысле вы оба словно браком сочетались.

Камиль вежливо согласилась, хотя сам образ ее покорибил.

– Он был маленький, щуплый, а вы высокая и довольно крепкая, – заметил Мартель. – У вас не было проблем... из-за размеров сердца? Простите меня, я ничего в этом не смыслю и...

– Мужское сердце обычно больше женского. Я предполагаю, что эту разницу сгладил невысокий рост Даниэля. Впрочем, у сердца нет ни пола, ни религии, ни цвета кожи. Врачи всего лишь пытаются пересадить совместимый орган от одного человека другому: они должны быть примерно одного возраста, одной группы крови, и еще надо решить вопрос с одной сложной штукой – с антигенами. Никто не будет пересаживать сердце шестидесятилетнего старика двадцатилетнему. Но даже органы, зараженные, например, СПИДом или гепатитом, могут спасти людей с той же болезнью, ожидающих пересадки. У Даниэля была такая же редкая группа крови, как у меня, вот почему это... сработало. Я ответила на ваш вопрос?

– Полностью. Это же... замечательно.

– А что, Даниэль жил в Аржантее?

– Да, у него была тут маленькая квартирка. Насколько я знаю, его папаша продал ее буквально через несколько недель после его смерти. Этот старый козел времени не терял.

У Камиль было столько вопросов. Она попыталась сосре-

доточиться на главном.

– А каким он был на работе?

– Довольно упертым, надо сказать. Любил все доводить до конца, никогда ничего не бросал и всегда уходил с работы одним из последних. Он часы не считал. Потому-то меня и поразило, когда он объявил, что уходит. Ему нравилось это ремесло.

Камиль снова посмотрела на фото. Ее рука немного дрожала от волнения. Даниэль как будто приглашал на встречу, глядя своими большими интригующими глазами. Улыбался ей и звал за собой.

– Он был импульсивен? Мог раздражаться по пустякам?

– Да, частенько. Скажем так: не стоило ходить по его клумбам.

– Он курил «Мальборо лайт», пачки по пятнадцать штук?

Лейтенант полиции наклонился вперед:

– Нет, самокрутки. А к чему все эти странные вопросы?

Камиль была разочарована.

– Мне самой несколько дней назад захотелось покурить. Хотя меня мутит от табачного запаха и я никогда в жизни не курила.

Мартель помолчал несколько секунд.

– Что вы пытаетесь мне сказать?

– Что, несмотря на разницу в выборе сигарет, мне кажется, будто у меня появились ощущения, желания и воспоминания, принадлежавшие ему.

– Вот черт. Надо же.

Камиль решила, что настал момент довериться этому незнакомцу. На самом деле у нее не было выбора.

– Есть еще одна причина, из-за которой я приехала с вами повидаться. Мне с некоторых пор снится один и тот же кошмар. Я вижу молодую женщину, лет двадцати, которую, похоже, держат где-то пленницей, и она зовет меня на помощь.

Лейтенант полиции отпрянул:

– Вы... хотите сказать, что видите некоторые вещи глазами Даниэля?

– Точнее, его сердцем. Я знаю, это невероятно, невысказанно, все, что угодно, и при обычных обстоятельствах я бы и сама в это не поверила. Но сегодня я здесь, перед вами, доверяюсь вам... И мне надо понять...

– Думаете, это может быть связано с одним из его дел?

– Да. Эта женщина обращается ко мне. Следовательно – к Даниэлю.

Мартель задумался:

– Даниэль ведь работал в криминальной полиции и трупов достаточно посмотрелся. Убийства были его повседневностью. А грязными делами он занимался с тех пор, как поступил сюда на работу. Но вы даете мне слишком мало подробностей, чтобы я мог сказать вам что-то большее. Может, у вас есть что-нибудь поточнее? В каком месте, например, появляется эта девушка?

Камиль ненадолго закрыла глаза:

– Нет. Я вижу ее лицо перед собой. Она молода, миловидна, длинные черные волосы, черные глаза. У нее очень ярко выраженная внешность... может, цыганка или что-то в этом роде. И...

– Погодите. Вы сказали, цыганка?

Он мгновенно отреагировал, зрачки расширились. Камиль сразу же поняла, что кое-что нащупала.

– Это вам что-нибудь говорит?

– Да. Было одно странное дело... по меньшей мере года два назад. Народу тогда не хватало, и Даниэля бросили на расследование квартирных краж, которые довольно часто случались в Аржантее и окрестных городках. Погодите пару минут, я сейчас вернусь.

Он торопливо вышел. Камиль нервно вертела в руках пустой стаканчик. Вот так – вдруг – ее дорога прояснялась. Она с самого начала знала, почему так упорствует, зачем оказалась здесь и куда направлялась.

Скоро она получит ответы.

Мартель вернулся и положил перед ней папку с делом.

Потом посмотрел на Камиль с серьезным видом:

– Теперь мой черед просить вас, чтобы то, что я вам расскажу, не вышло отсюда.

Камиль молча кивнула, буравя взглядом сначала его карий глаз, потом голубой. В горле у нее комом застряло беспокойство.

– Очень хорошо, – сказал Мартель. – Тут передо мной кое-какие материалы дела. Насколько я помню, в дома забирались днем. Воры, точнее, воровки брали только украшения, ничего другого. И такие кражи – взлом задней двери с помощью отвертки и вынос исключительно драгоценностей – прекратились летом две тысячи десятого, то есть два года назад. Все вместе наводило на мысль об организованной преступной сети из стран Восточной Европы. Потому что грузины, албанцы, молдаване, чеченцы уже довольно давно принимают нашу страну за свое игровое поле. Воровки были всего лишь подручными либо одного, либо нескольких вожаков кланов. Но в то лето две тысячи десятого все неожиданно прекратилось, не оставив никакого следа. Мы решили, что орудовавшая тут группировка убралась отсюда и занялась чем-то другим. Дело вычеркнули из числа приоритетных, а группу, которая над ним работала, через несколько

недель распустили.

Он порылся в папке и, откопав несколько фотографий, протянул Камиль. На одних снимках была запечатлена женщина, выходящая из дома со спортивной сумкой в руке. На других воровка взламывала замок чьей-то веранды. Еще одна перебежала через заполненную машинами улицу в жилом квартале. Все они были молоды и имели те же типичные черты, что и женщина из ее сна.

– Эти фотографии мы нашли в кабинете Даниэля через неделю или две после его смерти. Они были заперты в ящике его стола.

Камиль перевернула фото в поисках каких-нибудь надписей.

– Не ищите, – сказал Мартель. – Даты нет. Так что точно неизвестно, когда они были сделаны, и ничего другого мы не обнаружили: ни адресов, ни документов, ни записей. Но одно несомненно: Даниэль располагал информацией по делу, которой не поделился с группой. Судя по этим фото, он наверняка выследил некоторых воровок. Иначе как бы он мог оказаться на месте, когда те проникали в дом?

Камиль задумалась.

– Так ему удалось выйти на сеть? – предположила она.

– Может, и да. Представьте себе: он выслеживает одну воровку и фотографирует ее на месте преступления, но при этом не арестовывает. Нас ведь интересует не мелюзга, а дичь покрупнее – те, что организуют операции. Тогда он на-

чинает ее «пасти», узнает, где она живет, с кем контактирует. Сидит в засаде, следит, потихоньку подбирается к вожакам кланов, но один, никому ничего не говоря... – Мартель задумчиво покачал головой. – Может, он хотел раскрыть дело в одиночку? Но это на него совсем не похоже, да и далеко от наших методов работы.

– А вы как думаете? С чего бы ему тогда действовать таким образом?

– Понятия не имею. И не понимаю. Мы провели расследование после его смерти, но ничего не обнаружили. У Даниэля не было своего мобильного телефона, он все это ненавидел. Пользовался только рабочим. Мы в него залезли, но не нашли ничего примечательного. Это так и осталось тайной. М-да, считаешь, что знаешь человека, а в итоге...

Лейтенант заметил, что Камиль его уже не слушает.

Она не спускала остановившегося взгляда с фотографий. Он щелкнул пальцами:

– Мадемуазель Ламбр?

Камиль встрепенулась.

– С вами все в порядке? – спросил Мартель.

Она кивнула, постаравшись улыбнуться:

– Да-да, все в порядке. Извините меня, я просто немного устала. Еду в отпуск.

– Вам чертовски повезло. Мой-то уже кончился, в последний раз беру его в июле. Надоело вкалывать, когда все разьезжаются.

– Вы можете сделать мне копию этого досье? Я бы хотела ознакомиться с ним детально.

Он покачал головой:

– Дело официально не закрыто, даже если никто им не интересуется. Сожалею, но...

– Я работаю в жандармерии и знакома с процедурой. Но все-таки не забывайте, лейтенант...

Она слегка раздвинула рубашку на груди между двумя пуговицами, открыв часть шрама.

Мартель поколебался, но все-таки встал. Камиль последовала за ним. В коридоре лейтенант положил несколько листов в ксерокс:

– Я вам дам только самое главное, остальное – бумажный хлам.

Он стоял в задумчивости, слушая урчание копировального аппарата, потом бросил:

– Все-таки не могу удержаться: вы, вообще-то, не первая, кто интересовался Даниэлем после его смерти.

Камиль нахмурилась:

– А кто еще?

– Через месяц или два после его смерти к нам в уголовку заявился один известный фотограф. Хотел сделать репортаж о полиции, о том, как мы работаем, в какой обстановке. Особенно сдружился с одним из наших, так что свободно сюда входил. Мы ему довольно глупо подыгрывали, позволили фотографировать, позировали и все такое.

Он собрал отпечатанные листки и положил их в пакет.

– Но любопытно, что очень скоро он сосредоточился на Даниэле. Казалось, что больше всего его привлекал сам факт: полицейский, убитый при исполнении. Он тогда сделал кучу снимков в кабинете Даниэля, задавал о нем бесчисленные вопросы: что да как, какой у него был характер и так далее... Вроде как вы сегодня... Потому-то я вам все это и выкладываю. Не знаю... Но у меня чувство, что вы копаете в одном направлении.

Он убедился, что никто его не слышит, и добавил:

– Я навел кое-какие справки об этом фотографе. Его зовут Микаэль Флорес. И я видел некоторые из его фотографий. Это... что-то особенное.

– Особенное? То есть?

– Он долго был одним из этих, папарацци, ишачил на дешевые таблоиды, пока не начал делать серьезные репортажи для известных журналов. И до сих пор по большей части работает с фотопленкой. Знаете, для старых аппаратов, которая содержит серебро?

– Да, знаю.

– Мотается по всему свету, и, похоже, его интересуют только всякие крайности. Массовые убийства, издевательства над людьми, безумие, короче, все то, на что тяжело смотреть. От его снимков дрожь пробирает. Если захотите взглянуть, то сами увидите, но похоже, что, натешившись с публикой из шоу-бизнеса, Флорес затеял теперь выискивать

всякую жуть...

Камиль старалась не пропустить ни слова. А Мартелю как будто надо было выговориться.

— ...со временем я стал ломать голову, чего это он сюда за-
явился, в наш захолустный комиссариат. Зачем расспраши-
вал о Даниэле и что искал в его кабинете. И тут приходите
вы и рассказываете о какой-то запертой девушке, с которой
плохо обращались... и которую видел Даниэль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.